

INSPIRIA

СМЕРТЬ ПОД ЕЕ КОЖЕЙ

18+

СТИВЕН
СПОТСВУД

INSPIRIA

Ток. Логика и игра

Стивен Спотсвуд
Смерть под ее кожей

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Спотсвуд С.

Смерть под ее кожей / С. Спотсвуд — «Эксмо», 2021 — (Ток. Логика и игра)

ISBN 978-5-04-185626-7

ВЫБОР РЕДАКЦИИ THE NEW YORK TIMES. ИДЕАЛЬНО ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ РИЧАРДА ОСМАНА. Татуировки предсказали ее смерть... Всего несколько лет назад Уиллоджин Паркер была обычной артисткой бродячего цирка. Теперь же она работает с Лилиан Пентикост – самой известной сыщицей в Нью-Йорке. Вот только прошлое не хочет ее отпускать... Кто-то убил «Удивительную Татуированную Женщину», цирковую подругу Уилл. Ей вонзили нож в спину, и единственным подозреваемым оказался Валентин Калищенко, человек, заменивший Уилл отца. Чтобы уберечь Калищенко от свидания с электрическим стулом и разобраться в цирковых хитросплетениях, мисс Пентикост со своей помощницей отправляются в сонный городок Стоппард, штат Виргиния. Очень скоро они начинают понимать, что бывшие коллеги Уилл – те еще мастера иллюзий, а тайны могут скрываться не только под чернилами на коже... Очаровательный и остроумный детектив с двумя смелыми сыщицами, бродячим цирком и увлекательным расследованием в центре сюжета. «Восхитительно! Приятно наблюдать за тем, как Пентикост и Паркер разгадывают загадки одну за другой и раскрываются как персонажи. Стивен Спотсвуд – мастер создавать удивительные истории». – The New York Times Book Review «Выдающийся стиль, колорит и отличные шутки – вот что делает этот нуарный детектив таким особенным». – Тана Френч «Вас ждут правдоподобная атмосфера бродячего цирка и умопомрачительные головоломки...» – Kirkus Reviews «Яркая и захватывающая история с прекрасными персонажами и забавными диалогами! Стивен Спотсвуд теперь входит в список моих любимых авторов, а серию про Пентикост и Паркер я буду рекомендовать всем». – Criminal Element

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-185626-7

© Спортсвуд С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Персонажи	7
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Стивен Спотсвуд
Смерть под ее кожей

Обретенным семьям, вашим и моим

Иногда это ужасно больно. Но оно того стоит.
Бетти Бродбент, она же Татуированная Венера (1909–1983)

Stephen Spotswood

MURDER UNDER HER SKIN

Copyright © 2021 by Stephen Spotswood LLC

This edition is published by arrangement with Darley Anderson Literary,
TV & Film Agency and The Van Lear Agency

© Рокачевская Н.В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Персонажи

Уиллоджин (Уилл) Паркер – саркастичная помощница Лилиан Пентикост, ее «ноги». Постигает профессию детектива по одному трудному уроку зараз.

Лилиан Пентикост – признанный гений и частный детектив. В мире нет места опаснее, чем между ней и правосудием.

Руби Доннер – Удивительная Татуированная Женщина, чья история жизни запечатлена на ее коже. Не глава ли из прошлого вонзила ей нож в спину?

Большой Боб Хэлловей – владелец и шпрыхталмейстер (ведущий представления) передвижного цирка Харта и Хэлловея. Яркая личность, человек, который сделает все возможное, чтобы цирк продолжил работать.

Валентин Калищенко – наставник Уилл по метанию ножей, а теперь – главный подозреваемый в жестоком убийстве. Он скрывает много мрачных секретов. Готов ли он убивать, чтобы сохранить их?

Сэм Ли Батчер – самый юный и пылкий работник цирка. Даже убийство не мешает ему любить жизнь под куполом цирка.

Фрида, Невероятная Резиновая Девушка – когда-то они с Уилл были больше чем просто друзьями. Но ее верность оказалась такой же гибкой, как и тело.

Мейв Бейли – Всевидящая мадам Фортуна. Она может читать знаки так же легко, как вы читаете меню. Как тогда так вышло, что она не предсказала смерть Руби?

Рэй Нанс – владелец Дома ядовитых существ. Он слаще сахара, но можно ли по-настоящему доверять человеку, чьи лучшие друзья ядовиты?

Чудесная Аннабель – помощница фокусника, отличается ловкими пальцами и острым языком. Ушки на макушке, глаз-алмаз – лучше вам не стоять у нее на пути.

Пэт Доннер, он же Док – ветеран Первой мировой войны, владелец кинотеатра, пьяница и любитель абсента, дядя Руби. Смерть племянницы разрешила множество его проблем.

Джо Энгл – герой войны, новоиспеченный полицейский и бывший возлюбленный Руби. Правую руку он отдал войне, но кому принадлежит его сердце?

Карл Энгл – отец Джо, нескладный пастор церкви Крови Агнца. Какое оружие он готов использовать, чтобы паства не сбилась с пути истинного?

Шеф полиции Томас Уиддл – «свой в доску» парень в ковбойской шляпе. За его прищуром скрывается острый и подлый ум.

Лерой Декамбр – смазливый бандит из провинции. Куда только он не запустил свои ловкие руки! Быть может, даже успел схватиться за нож?

Глава 1

– Обвинение вызывает свидетеля Лилиан Пентикост.

По залу суда прокатилась волна приглушенного шепота. Судья Харман, никогда не упускавший возможности стукнуть молотком, в этот раз оставил шум без внимания. Вообще-то людей не в чем было обвинять. Они сидели на жестких скамьях в зале суда как сельди в бочке вот уже три долгих дня, и июль 1946 года успел смениться на календаре августом, пока они продирались через скучные речи обвинения. В ожидании, когда начнется настоящая драма.

Потолочные вентиляторы отдали концы в середине первого дня, и две сотни репортеров, членов семьи и разного рода зевак обливались потом, пока судебное заседание по делу о самом громком убийстве в городе приближалось к кульминации.

Мой босс и была той кульминацией.

Все взгляды в зале были прикованы к Лилиан Пентикост, пока она шла к свидетельской трибуне, в четком ритме постукивая тростью по деревянному полу. В свои сорок с небольшим она умела произвести впечатление: высокая, стройная, с безупречной осанкой, которую подчеркивал покрой серого костюма в елочку и белая блузка с любимым кроваво-красным галстуком. Ее длинные рыжие волосы были заплетены в лабиринт косичек, а узнаваемая седая прядь вилась среди них, как ручеек ргути.

Я даже заставила ее накраситься. Немного теней, чтобы подчеркнуть серые глаза, румяна, чтобы добавить драматизма ее орлиному профилю, и помада, чтобы ее рот выглядел чуточку менее суровым. Цель была серьезной, но вполне достижимой. Женщина, которой ты веришь, когда она объясняет, кто кого убил.

Стол защитников был островком спокойствия в океане болтовни. Адвокат Форест Уитсен развернулся, чтобы посмотреть, как мисс П. идет по залу; его лицо выражало уверенность с легким оттенком любопытства.

Он словно говорил присяжным: «Конечно, мне интересно узнать, что она скажет, но только чтобы потом объяснить вам, уважаемые, почему она ошибается».

Что касается обвиняемого, то его можно было запросто выставить в качестве рекламы перед киоском с сигарами, настолько он одеревенел. В последние несколько дней Барри Сендак наловчился выглядеть как несправедливо обвиненный горемыка. Сейчас его взгляд был пустым, губы сжались в тонкую линию.

Но нужно отдать ему должное: он не был похож на поджигателя. В этом-то и проблема.

Не то чтобы во внешности поджигателей есть что-то особенное. Но все-таки можно ожидать, что у того, кто сжег семнадцать человек заживо и оставил сотни без крова и родных, это каким-то образом отразится на лице.

Авторы Ветхого Завета были правы. Убийство должно оставлять печать.

Но я выдаю желаемое за действительное.

Последние три дня присяжные пытались найти в нем эту печать, но так ничего и не заметили. Они видели только мягкотелого и пузатого коротышку, который в тридцать лет уже начал лысеть и думал, что усы щеточкой восполнят недостаток волос. Он подчеркнуто выглядел как обычный чиновник, каковым и был, последние десять лет проработав инспектором по безопасности в пожарном департаменте Нью-Йорка. У него были водянистые карие глаза, как у лесной лани, и в своем костюме на размер больше он выглядел скорее как жертва, чем как хищник.

Я знала, что это не так.

Именно на него указала мисс Пентикост, и лейтенант Натан Лейзенби, один из лучших полицейских города по расследованию убийств, защелкнул на нем наручники. В тот момент никто не принял бы Сендака за жертву.

Однажды в детстве я помогала отцу вытаскивать барсука из норы в нашем саду. Он поедал наш салат, и отец решил, что пора это прекращать. Он встал позади меня с дробовиком в руках, я тащила барсука за лапы. Он вылез из норы, фыркая и царапаясь, и, если бы отец замешкался, спуская курок, грызун разорвал бы мне лицо.

Сендак выглядел совсем как тот барсук, когда Лейзенби уводил его. Как будто хотел выпиться зубами в щеку мисс Пентикост и вырвать кусок мяса.

К сожалению, присяжные не видели это животное.

Другая проблема – и окружной прокурор дал понять, что она куда важнее, – была в том, что три многоквартирных дома, которые поджег Сендак, находились в Гарлеме. Все семнадцать погибших были чернокожими. И если вы сумеете найти более белых присяжных, я выдам вам медаль.

Улики против Сендака были косвенные. Конечно, их было полно, но если бы вы усердно искали основания для сомнений, то смогли бы убедить себя и спокойно спать по ночам.

Потребовались серьезные усилия и несколько язвительных передовиц в газетах, чтобы убедить окружного прокурора дать делу ход. Даже тогда он нажал на кнопку только потому, что кое-чей палец надавил и склонил чашу весов в свою пользу.

Этот палец, как и четверо его товарищей, сейчас лежал на Библии, а их владелица клялась говорить правду, только правду и ничего кроме правды.

– Вызовите меня свидетельницей, – попросила мисс Пентикост окружного прокурора. – Обещаю, я покажу присяжным, что за человек мистер Сендак.

Лириан Пентикост не разбрасывалась обещаниями понапрасну, и окружной прокурор это знал. И вот мы здесь. Последний день, последний свидетель, и исход всего дела зависит от моего босса.

Кто-то однажды сказал мне, что леди не потеют, но, думаю, меня сложно назвать леди. Я взмокла, как и вся остальная публика.

Сидя на заднем ряду зала суда, я смотрела, как Говард Кларк, помощник окружного прокурора, вытянувший короткую соломинку, начал задавать мисс Пентикост обычные вопросы: что да почему. Все это было для меня не ново, и я воспользовалась возможностью перечитать телеграмму, которую этим утром доставил к нашей двери выбившийся из сил посыльный из «Вестерн юнион».

«Руби убита. Цирк сейчас в Стоппарде, штат Виргиния. Нужна помощь профессионала. БХ».

БХ – это Большой Боб Хэллоуей, владелец и шпрыхшталмейстер передвижного цирка Харта и Хэллоуея. Еще в телеграмме был номер телефона, по которому с ним можно связаться.

Когда принесли телеграмму, мисс П. была наверху и пыталась собраться с силами. Я еще не показывала ей телеграмму. Не хотела отвлекать ее от предстоящего суда.

Я же, с другой стороны, могла позволить себе роскошь отвлечься на другие мысли.

Руби Доннер. Удивительная Татуированная Женщина.

Невероятный пейзаж из роз и рыбачек, сердец и русалок и пиратских кораблей, изумрудно-зеленая змея, извивавшаяся по ее левой ноге от кончиков пальцев до бедра и выше. Когда я в последний раз видела Руби, рисунков было больше трехсот.

С тех пор прошло четыре года. Мне было интересно, что она подумала бы о малышке Уиллоджин Паркер, нарядившейся для похода в суд в юбку и жакет, чтобы слиться с публикой на дешевых сиденьях.

Сидящие рядом репортеры посмеивались над моей одеждой.

– Решила замаскироваться под секретаршу? – спросил острослов из «Таймс». – Можешь сесть мне на коленки и писать под диктовку, Паркер, когда только пожелаешь.

Я показала ему средний палец и негромко предложила сесть на него.

– Ну, не будь такой, Рыжуля. Я же просто шучу.

И это журналюги называют флиртом.

Я невольно пригладила непослушные рыжие кудри. Последние восемь месяцев я пыталась отрастить волосы, и впервые со школьных времен они доставали мне чуть ли не до плеч. Мои пальцы тут же запутались, я с трудом выдернула их из волос. Я огляделась – не заметил ли кто, но все взгляды были прикованы к свидетельской трибуне.

Руби.

Однажды я спросила ее: «Зачем ты это делаешь? Наверняка ведь жутко больно».

Она улыбнулась так, что у меня мурашки пошли по коже.

– Еще как. Но не сильнее, чем от всего остального.

Тогда мы еще много о чем разговаривали, и в конце концов я выставила себя полной дурой. Но сейчас не стоит об этом думать. Кларк уже закруглялся, главное представление вот-вот начнется.

Уитсен подошел поближе к свидетельской трибуне с уверенностью, которая едва ли была напускной. У него была репутация лучшего адвоката в городе. «Нью-Йоркер» назвал его «Перри Мейсон из реальной жизни», и знающие люди это не оспаривали.

Вдобавок с него могли бы рисовать книжные обложки. Уитсен был высоким, широкоплечим и голубоглазым, с внешностью Гэри Купера. Конечно, среди присяжных не было женщин – хотя это ничего не значило, – но он излучал ауру хозяина положения. Люди охотно шли за ним, куда бы он их ни повел. Задача моего босса заключалась в том, чтобы вырвать из его рук поводья.

– Мисс Пентикост, верно? – начал он.

– Да.

Он кивнул и улыбнулся, бросив быстрый взгляд на присяжных. Я сидела не под тем углом, чтобы перехватить этот взгляд, но представляла, что он означает. «Слишком много о себе возомнила, чтобы выйти замуж? Трудно доверять такой женщине».

А вслух он спросил:

– Кто нанял вас расследовать пожары?

– Никто.

– Никто? Вы потратили два месяца жизни просто по доброте душевной?

– Я решила узнать, кто стоит за пожарами, потому что погибали люди, – парировала мисс

П.

– Вы впервые помогаете полиции, не имея клиента, который вам платит?

– Нет.

– Можно даже сказать, вы заработали определенную репутацию, самостоятельно занимаясь громкими делами, верно?

– Не уверена, что могу сказать, что у меня есть подобная репутация.

– Не скромничайте. Вряд ли в этом городе есть человек, который не слышал бы о вас, – сказал адвокат. – А работа над громкими делами – это путь к тому, чтобы у вашего порога появлялись новые клиенты, хотя и долгий путь. Верно?

– Я не спрашиваю клиентов, откуда они обо мне узнали, – ответила мисс П.

Я поморщилась. Притворство не делает ей чести.

– Ну конечно, не спрашиваете, – с улыбкой и выверенной долей добродушия сказал Уитсен в сторону присяжных.

«Та еще штучка», – нашептывала эта улыбка.

– Нет нужды говорить, что вы часто попадали в заголовки городских газет, – продолжил он. – Чем крупнее дело, тем громче заголовок. А это дело? О-хо-хо. Весьма крупное.

Если Уитсен вел себя слишком скромно для известного адвоката, то делал это намеренно. Это была часть спектакля. Так он больше нравился присяжным. Как и свидетелям.

Вот только сейчас свидетелям он совсем не нравился.

– Сколько раз ваше имя появлялось в прессе в связи с этим делом? – спросил он.

– Не могу сказать. Я не считала.

– А я считал. – Он шагнул к столу защиты и широким жестом поднял пачку газет. – Ваше имя появлялось в тридцати двух статьях в пятнадцати газетах и трех международных журналах.

Он поднимал одну газету за другой и читал заголовки:

– «Пентикост преследует гарлемского поджигателя», «Лириан Пентикост прочесывает место второго пожара», «Частный детектив Пентикост приводит полицию к поджигателю», «Поджигатель предстанет перед судом благодаря Пентикост».

Уитсен застыл с последней газетой в руках, затягивая паузу.

– Это вопрос? – поинтересовалась мисс П. с минимумом любезности.

– Конечно. – Он бросил газеты обратно на стол. – Как вы думаете, о вас писали бы так часто, если бы вы не привели полицию к подозреваемому?

Пока он задавал вопрос, мисс Пентикост достала из кармана жакета серебряную зажигалку. Она покрутила ее в руке и открыла.

Судья Харман подался вперед.

– Что такое, мисс Пентикост? Я не разрешаю курить в зале суда.

– Простите, ваша честь. Я не курю, – отозвалась она. – Как вы знаете, у меня рассеянный склероз. Когда руки чем-то заняты, тремор меня не беспокоит.

Не наглая ложь, но чертовски близко.

– Я могу отложить ее, если это отвлекает, – добавила она с выверенными нотками мольбы.

– Ничего страшного, ваша честь, – с сочувственной улыбкой произнес Уитсен. – Мисс Пентикост нездорова. Пусть лучше успокоит нервы.

Я шепотом обозвала Уитсена нехорошими словами, и репортеры по обе стороны от меня захихикали. Невозможно объяснить присяжным, что такое рассеянный склероз. Что ее тело может внезапно подвести, но только не ее мозг.

И все же мы получили то, чего хотели.

Мисс П. покрутила зажигалку в ладони, открыла ее и закрыла. Потом еще раз.

– Можете повторить вопрос, мистер Уитсен? – попросила она.

– Правильно ли я понимаю, что если бы вы не привели полицию к подозреваемому, то ваше имя не появилось бы в стольких заголовках?

– Да, это верно. – Она покрутила зажигалку, открыла и закрыла. – А если бы я не поймала Сендака, он бы продолжил сжигать дома.

Запоздалый и слабый укол, и Уитсен его почти не заметил.

– В своих показаниях вы много говорили о так называемых уликах против мистера Сендака, но я заметил, что вы не упомянули – а мистер Кларк почему-то не спросил вас – о вашей первой встрече с моим клиентом. Так когда это было?

– На месте второго пожара, через несколько дней после преступления, – ответила мисс П. – Он якобы пришел, чтобы помочь пожарным обезопасить здание.

– «Якобы»? Мисс Пентикост, какую должность занимает мой клиент?

– Он инспектор по безопасности в пожарном департаменте Нью-Йорка.

– Именно! – воскликнул Уитсен. – Совсем не удивительно, что он там оказался, не так ли? Это его работа.

Уитсен знал свое дело. Он пользовался любой возможностью напомнить присяжным, что мисс Пентикост влезла в то, что ее не касается.

– Что мой клиент сказал вам, когда увидел, как вы бродите среди развалин? – спросил Уитсен.

– Он попросил меня уйти.

Уитсен усмехнулся.

– Ну, мне кажется, не просто попросил. Каковы были его точные слова? И не бойтесь прибегнуть к красочным выражениям. Мы все здесь взрослые люди.

Он одарил присяжных еще одной скромной улыбкой. Они ответили тем же. Мисс Пентикост осталась серьезной.

– Его слова были такими: «Слушай, ты, неуклюжая сучка. Выметайся отсюда, а не то я тебя вышвырну».

Покрутить зажигалку, открыть, закрыть.

Уитсен в притворном ужасе воздел руки к небу и повернулся к своему клиенту. С заднего ряда я мельком увидела смущенную улыбку Сендака. Интересно, сколько раз они это репетировали? Могу поспорить, они посвятили этому меньше времени, чем мы с мисс П. – трюку с зажигалкой.

– «Неуклюжая сучка»? Почему именно так?

– Я споткнулась о рухнувший дверной косяк.

Уитсен покачал головой.

– Вероятно, мой клиент с самого начала не произвел хорошего впечатления, верно?

– Честно говоря, Сендак вообще не оставил о себе впечатления, – объявила мисс Пентикост. – Я быстро забыла его.

Покрутить зажигалку, открыть, закрыть.

Сендак неловко поерзал, поставил скрещенные было ноги прямо, затем снова положил ногу на ногу, но уже другую.

– Мне трудно в это поверить, мисс Пентикост. Учитывая его слова и отношение.

– О, не проходит и дня, чтобы меня не назвали сучкой, – сказала она, вызвав пару смешков у присяжных.

– И все-таки вряд ли можно его винить, – сказал Уитсен. – Это было место преступления. А вы человек с улицы. Даже не работаете на клиента, который вам платит. Слоняетесь вокруг, затаптываете улики. Я бы, наверное, тоже был груб.

Кларк встал.

– Ваша честь, мистер Уитсен говорит за своего клиента.

– Простите, ваша честь. Беру свои слова обратно, – отозвался Уитсен. – Иногда меня заносит.

Я уже начинала ненавидеть эту приветливую улыбку.

Трюк, который хотела провернуть мисс Пентикост, было бы легче проделать во время допроса со стороны обвинения. Тогда мы могли бы сами прописать сценарий. Но она настаивала на том, чтобы сделать это во время перекрестного допроса.

– Мистер Сендак расслабится, – объяснила она мне. – Но, что важнее, рядом с ним не будет адвоката. Сендак будет сидеть и слушать рассказ о своих преступлениях. Преступлениях, которыми он гордится, причина которых коренится в глубинных изъянах его личности. В потребности все контролировать. В потребности во власти. Его внешняя оболочка станет тонкой и хрупкой. Понадобится только легкий толчок, чтобы она рухнула.

Теоретически, Сендак выглядел расслабленным. Окружной прокурор проинструктировал свидетелей обвинения, чтобы называли его только по фамилии. Никаких «мистеров». Как будто он предмет, а не личность. И чтобы при любой возможности вставляли словечки вроде «трусливый» и «слабый».

Сломленный.

Трюк с зажигалкой был частью большой задумки. Мы нашли в точности такую же зажигалку, какую обнаружили у него при аресте. Она должна была привлечь его внимание. Чтобы его мысли и взгляд сосредоточились на мисс Пентикост, а не на игре с присяжными. Последние две недели я тренировала мисс Пентикост, чтобы она не выронила зажигалку.

Этой технике мы научились во время последнего нашего крупного дела, в котором была замешана мошенница-медиум, использовавшая похожие трюки, чтобы выведать секреты своих клиентов.

Мисс П. объяснила, что этот наш гамбит очень похож на один прием в фехтовании. Она заинтересовалась этим видом спорта после того, как я подарила ей на Рождество трость со шпагой. Она назвала этот прием французским словом, которое я не сумела произнести тогда и не смогу вспомнить сейчас.

– Ты открываешься, напрашиваясь на атаку, даешь сопернику возможность тебя про-
ткнуть.

Для тех, кто не увлекается фехтованием, поясню: фактически шансы были равны.

Даже если нас постигнет неудача, остается вероятность, что присяжные сами вынесут обвинительный приговор. Очень слабая вероятность. Я обзвонила всех накануне вечером. Ни один из присяжных не был уверен в его невиновности. Но пятеро колебались. А окружному прокурору точно не выпадет второй шанс.

Вот так обстояли дела. Это была последняя и самая верная возможность посадить Сендака навсегда. Мисс П. оставалось лишь обвести вокруг пальца лучшего адвоката города и заставить обвиняемого показать присяжным свое истинное лицо, хотя он столько времени репетировал совершенно противоположное.

Я бы сказала «проще пареной репы», но от меня уже натурально шел пар, так что не буду врать.

Уитсен подготовился к следующему уколу.

– В своих прежних показаниях вы говорили, что в следующий раз увидели мистера Сендака во время другого пожара.

– Верно. Он стоял на другой стороне улицы и смотрел на пламя.

– Как и сотни других людей, правда?

– Верно.

– И все же вы сосредоточились на нем. Избрали именно его объектом своего расследования. Не имея никаких улик, вы сочли его подходящей кандидатурой. Это так?

– Да, верно, – кивнула мисс П.

– Он был там единственным человеком, связанным с пожарным департаментом?

– Нет.

– Нет, там было еще несколько пожарных, которые услышали сирену и пришли, хотя не были в смене в этот день. Потому что это их работа. Даже если они не на посту. Они защищают добропорядочных горожан.

Я думала, что Кларк снова возразит, но он благоразумно притворился немым. Предоставил все моему боссу.

– Мисс Пентикост, возможно, истинная причина, по которой вы направили свой гнев на мистера Сендака, заключается в том, что ваша первая встреча с ним прошла так плохо? Потому что он имел смелость сказать, что дилетанту нечего делать на месте преступления? Потому что обозвал вас нехорошими словами? Разве вы не относились к моему клиенту с предубеждением с самого начала?

Покрутить зажигалку, открыть, закрыть.

– Да.

Все в зале затаили дыхание, включая Уитсена.

– Вы признаете, что относились к моему клиенту с предубеждением?

Уитсен едва скрывал свою радость.

– Вне всякого сомнения, признаю, – будничным тоном заявила мисс П. – Но не потому, что он меня обозвал. Он просто выглядел как типичный поджигатель.

Ее слова подняли волну перешептываний, и на этот раз судья Харман воспользовался молотком. Все в зале обменивались взглядами, от слегка насмешливых до глубоко недоуменных. Все, кроме Уитсена. Он замер. Как будто шел по минному полю и вдруг услышал щелчок под ногой.

Ему следовало бы задать очевидный вопрос: «Что значит – выглядел как типичный поджигатель?»

Но первое правило судебного процесса – не задавать вопросов, на которые не знаешь ответа, а Уитсен понятия не имел, что может сказать мисс Пентикост, если он станет на нее давить.

В сущности, у него было два варианта. Он мог просто оставить все как есть, но присяжные слышали эти слова и гадали, что она имела в виду. К тому же Кларк обратит внимание на то, что он пытается сменить тему, и тогда Уитсен уже не будет править бал.

Или «Перри Мейсон из реальной жизни» может тщательно сформулировать следующий вопрос в надежде, что сумеет направить свидетеля в нужную сторону.

Покрутить зажигалку, открыть, закрыть.

За столом защиты ерзал Сендак, словно кто-то подсунул на сиденье кнопку.

Пару секунд поразмыслив, Уитсен подошел почти вплотную к свидетельской трибуне. Я не могла сдержать улыбку. Кажется, он попытается управлять Лилиан Пентикост.

Да поможет ему Бог.

– Вы решили, что мой клиент, честный труженик, законопослушный гражданин без единого привода в полицию, даже не нарушавший правила парковки, посвятивший свою жизнь безопасности горожан, выглядит как поджигатель? Вот почему вы воспользовались своим влиянием на полицию и окружного прокурора, чтобы разрушить жизнь мистера Сендака?

Мой босс слегка пожала плечами.

– Насколько я понимаю, его жизнь уже лежала в руинах, – сказала она. – Несколько месяцев назад от него ушла жена, разве нет?

Поднялась новая волна перешептываний, а Сендак задергался как припадочный. Я не видела его лицо, но присяжные видели. И что-то явно привлекло их внимание.

Судья Харман снова подался вперед.

– Мисс Пентикост? Вы хорошо себя чувствуете?

Вполне уместный вопрос. Лилиан Пентикост не была несдержанной, это все знали. Она стояла на свидетельской трибуне больше раз, чем мне было лет, и впервые ее показания были окрашены личным отношением к подсудимому.

– Вполне неплохо, – ответила она.

Покрутить зажигалку, открыть, закрыть.

Уитсен наверняка уже понял: что-то не так. Но наживка выглядела слишком привлекательно. Главный свидетель обвинения – женщина, которая могла отправить его клиента на электрический стул, – призналась, что изначально была настроена с предубеждением.

Скорее всего, он уже почувствовал ловушку. Но, как я понимаю, решил, что, раз уж все катится в тартарары, у него, по крайней мере, будут основания для апелляции. Он шагнул вперед, поспав к черту минное поле.

– Мисс Пентикост, так почему мой клиент с первого взгляда произвел на вас впечатление поджигателя? – спросил он, вложив в вопрос как можно больше сомнений.

Мисс Пентикост перевела дыхание и едва заметно наклонилась вперед. Все в зале, сами того не осознавая, подались вперед вместе с ней.

– Поджог – трусливое преступление, – начала она. – Его совершают издалека, им наслаждаются издалека. Преступник должен быть нервным, буквально на грани срыва, и всегда настороже. Он знает, насколько он незначителен, и потому получает огромное удовольствие,

если может принизить окружающих – или хотя бы попытаться, – когда это в его власти. Именно так Сендак повел себя со мной.

Произнося эти слова, она по-прежнему крутила зажигалку длинными пальцами, неприужденно открывая и закрывая ее. Стороннему наблюдателю показалось бы, что она не сводит взгляда с Уитсена. А на самом деле на адвоката был направлен только ее стеклянный глаз. Настоящий смотрел за его плечо – прямо на Сендака.

Ее пальцы покрутили зажигалку, открыли ее, а потом зажгли. В ее ладони качнулся крошечный огонек.

– Человек, совершивший эти преступления, должен быть низкорослым и физически слабым, – сказала она. – Поджог – мужское преступление, но не сильного и здорового мужчины. Поджигатель вряд ли был на войне. Его не взяли бы в армию.

– Ваша честь, я снимаю вопрос, – заявил Уитсен.

Мисс П. не обратила внимания на его слова.

– Поджигатель не мужчина. Он таракан. Прячется в щелях и вылезает по ночам.

– Мисс Пентикост, вопрос снят, – сказал судья Харман.

– Я почти закончила, ваша честь, – скороговоркой отозвалась мисс Пентикост. Все это время она водила большим пальцем над пламенем – туда-сюда, как метроном. – Вот как я поняла, что это ты. Я должна была понять, как только тебя увидела. Мелкий, незначительный служащий, с полоской белой кожи на месте обручального кольца, ведь жена ушла от тебя, потому что ты не можешь доставить женщине удовольствие, верно?

– Мисс Пентикост!

Судья стукнул молотком, но мисс Пентикост не остановилась.

– И поэтому ты поджег целые кварталы, где жили счастливые семьи. Хотел посмотреть, как они горят. Все эти люди, которые гораздо счастливее тебя, гораздо лучше тебя, гораздо...

Сендак так резко вскочил, что его стул опрокинулся и проехал по полу до первого ряда зрителей. На мгновение показалось, что он вот-вот перепрыгнет через стол и набросится на моего босса. Я подумала, что он и правда это сделает, но тут вмешались приставы. Сендак увидел приближающихся людей в форме и застыл, выплевывая непристойности.

Судья Харман стукнул молотком, Уитсен поспешил к своему клиенту, журналисты рядом со мной были так потрясены, что даже не могли писать.

А присяжные?

У всех двенадцати на лицах отразилось одинаковое отвращение. Они на мгновение увидели Сендака таким, каким увидела его я во время ареста. Хищник. Бешеный зверь, притаившийся под скромной внешностью.

У него не шла пена изо рта, но в этом и не было необходимости. Чаша весов качнулась в нашу сторону.

Может, я не говорю, например, по-французски, зато умею читать по лицам. И знаю, как на этом языке пишется «виновен».

Я пошла к машине.

Глава 2

– Это ужас, полнейший ужас. Ничего подобного не случилось за все сорок лет моей работы. Просто чертова свадьба какая-то!

Мисс Пентикост бросила на меня взгляд.

Я прикрыла телефонную трубку рукой, в то время как мисс Пентикост прижималась ухом к своей.

– Что-то вроде смерча, – объяснила я. – Обычно так говорят про погоду, но необязательно.

Другую руку, ту самую, которой она крутила зажигалку, мисс П. опустила в миску с ледяной водой. Она так напрягала пальцы сегодня, что теперь они болели и дрожали. Холодная вода не лечит, но хотя бы облегчает страдания.

Мы сидели перед телефонами в офисе детективного агентства «Расследования Пентикост», каждая за своим столом. Офис занимал первый этаж уютного особняка в Бруклине, который мы обе называли своим домом. Мы только что вернулись из суда. В машине я показала телеграмму мисс П. Она поворчала, что я не показала ей телеграмму раньше, а я поворчала, что ничего хорошего это бы не принесло и что у нас были другие приоритеты. Когда мы покидали зал суда, Уитсен попросил сделать перерыв и вместе с Кларком направился в кабинет судьи Хармана. Дома нас уже дожидалось сообщение.

Наша экономка миссис Кэмпбелл пересказала нам его с характерным шотландским акцентом. Харман заявил, что не видит никаких нарушений. В конце концов, Уитсен задал вопрос, а мисс Пентикост правдиво на него ответила.

Видимо, адвокат не хуже меня понял настрой присяжных, поэтому спросил, возможна ли еще сделка со следствием. Зная Кларка, я сомневалась, что он согласится на срок меньше двадцати лет.

Мисс П. снова сосредоточилась на телефонном разговоре. Голос Большого Боба Хэллоуея звучал так, словно Боб находился за миллион миль отсюда. Словно он звонил с Луны, а не с окраины какого-то захолустного городишки в Виргинии.

– Примите мои соболезнования, мистер Хэллоуей, – сказала она. – Как именно умерла мисс Доннер?

– Ее зарезали. Ударом ножа в спину, – его голос, может, и искажали трескучие помехи, но гнев звучал кристально ясно. – Прямо после финальной феерии во вторник.

Мисс Пентикост снова покосилась на меня.

– Феерии? – произнесла она одними губами.

– После финального представления, – прошептала я.

– Ее нашла девушка Мистерио. Она просто лежала там, – сказал Большой Боб. – Самое тяжелое зрелище в моей жизни, а я-то уж повидал всякого.

Его голос звучал надтреснуто не из-за плохой связи. Это было искреннее горе, и я никогда прежде не слышала ничего подобного от этого жесткого человека. И могла бы не услышать за всю жизнь.

Но я его понимала.

Руби была одной из первых цирковых, с кем я столкнулась, когда подростком пришла к Харту и Хэллоуею в поисках убежища. Помню, как она стянула с меня замызганную кепку и сморщила нос.

– Могу поспорить, если тебя как следует оттереть, под этой грязью обнаружится симпатичная девушка.

Меня впервые называли девушкой, симпатичной или нет – уже не важно.

Ее все любили. Как же иначе?

За исключением того, кто использовал ее вместо подставки для ножей.

– Цирк по-прежнему в Стоппарде? – спросила мисс П.

– Пока тут, да, – ответил Большой Боб. – Во вторник мы давали первое представление. Мы рассчитывали провести здесь две недели, до следующего воскресенья. Потом едем в Шарлотту. Дальше задержаться не можем. Контракты подписаны, а подписанные контракты в наше время редкость.

Дело было в четверг. А значит, у нас есть десять дней, прежде чем место преступления и все вокруг него упакуют и увезут из города.

– И власти позволят вам уехать? – спросила мисс П. – Удивительно, что они дают стольким... – она чуть не сказала «подозреваемым», но придумала формулировку получше, – людям, близким к жертве, уехать до того, как дело будет завершено.

– Шеф полиции немного пошумел по этому поводу, когда появился в первый раз. Но этим утром изменил мнение. Сказал, что мы можем уезжать.

– А что изменилось? – поинтересовалась мисс П.

На другом конце провода только потрескивали помехи.

– Мистер Хэлловей?

– Да он поймал кое-кого на крючок, – ответил Большой Боб. – Уилл? Ты еще на линии?

– Я здесь.

– Мне не хочется огорчать тебя, но... они арестовали русского. Его держат в каталажке со вчерашнего утра. Официальные обвинения предъявили только сегодня утром.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы переварить новость.

– Калищенко? Полиция считает, что он убил Руби?

– Да.

– Какого черта?

– Его нож был у нее в спине.

Опять потрескивающая тишина.

Валентин Калищенко был настоящим старожилом цирка Харта и Хэлловея – метатель ножей, глотатель шпага, пожиратель огня и один из моих цирковых наставников. Я бы не сказала, что Русский Псих был мне как отец – это было бы слишком. Скорее как постоянно пьяный дядюшка, который позволял мне играть с острыми предметами с самого нежного возраста.

– Это же ничего не значит, – сказала я, потянув за колтун в волосах. – У него сотни ножей.

– Конечно, – согласился Большой Боб.

– И он вечно их повсюду разбрасывает.

– Конечно.

– А что насчет отпечатков пальцев? – спросила я. – На ноже нашли отпечатки?

– Вроде только смазанные. Я слышал разговоры копов. Вроде как на рукоятке такая обмотка, что четких отпечатков не остается.

– Значит, его нож и нет отпечатков. То есть ничего. Что еще у них есть?

– Не хочу говорить об этом по телефону, – сказал Боб. – Ты же знаешь, какие они, эти маленькие городки. Никогда не можешь быть уверен, что это не групповой звонок.

Мисс Пентикост откашлялась, глотнула медовухи и спросила:

– И что вы собираетесь делать, мистер Хэлловей?

– Что я собираюсь делать?

– В телеграмме вы просили помощи. Какой именно?

– Я хочу, чтобы вы узнали правду о том, кто убил Руби!

– Вы не верите, что виновен мистер Калищенко?

Последовала не то чтобы тишина, но определенно пауза.

– Я... э-э-э... не хочу сейчас в это вдаваться, но здесь явно играют холодной колодой. Копы торгуют алиби направо и налево. Но вряд ли истина есть у них в ассортименте.

Мисс П. опять покосилась на меня.

– Колода, подтасованная под стопроцентный выигрыш, – объяснила я. – Но игра идет по настоящему, так что за руку не поймаешь.

– Я не пытаюсь прокатиться зайцем, – сказал Большой Боб. – Могу нанять вас официально.

– Пожалуйста, оставайтесь на линии, мистер Хэлловей.

Она прикрыла трубку рукой и велела мне сделать то же самое.

– Итак?

– Итак.

– Что вы думаете? – спросила мисс Пентикост, откидываясь на спинку кресла.

– Перефразируя вас, у меня недостаточно фактов, чтобы ответить на этот вопрос.

– И то верно, – согласилась она. – Тогда давайте уточним вопрос. Мистер Калищенко способен на убийство?

– Не то слово.

Она приподняла одну бровь.

– Любой способен на убийство, – напомнила я. – Я и сама способна. И вы. Конечно, при определенных обстоятельствах.

– И определенные обстоятельства в случае мистера Калищенко... это?

Я задумалась.

– Самооборона, – предположила я.

– Это очевидно. Что еще?

– Защита кого-то, – добавила я. – Например, его семьи.

– Семьи?

Воспоминания нахлынули и чуть не накрыли меня с головой. Придорожная забегаловка где-то по другую сторону Аппалачей. Дышащий мне в лицо пивом громила, грубые руки, сжимающие меня так, что не оставалось воздуха в легких. А потом Калищенко со своими ножами и много крови.

– Его семья – это цирк, – сказала я, рывком возвращаясь в настоящее. – Он сделает что угодно ради любого из нас. Включая Руби. Поэтому я беру свои слова обратно. Он этого не делал. Никогда не сделал бы такого. С кем-то из наших.

Пару секунд мисс Пентикост внимательно изучала меня. Сейчас, когда я пишу это, то понимаю почему. Я не сказала «с кем-то из них». Я говорила «мы» и «наши».

Себя я тоже включала в эту семью. Теперь, когда я знаю мисс Пентикост гораздо лучше, чем тогда, я думаю, что это повлияло на ее решение.

Она убрала ладонь с трубки.

– Мистер Хэлловей, вы еще здесь?

– Да.

– Мы выезжаем в Виргинию завтра утром.

Пока они обсуждали детали, я откинулась на спинку кресла. Мой взгляд остановился на картине над столом мисс П. Это было солидное полотно, написанное маслом: раскидистое желтое дерево посреди степи. В тени дерева лежала женщина в синем платье, ее лицо скрывала тень. Я рассматривала эту картину на протяжении почти четырех лет, но до сих пор не могла сказать, отдыхает она или упала. А может, ждет любовника? Или ждет смерти?

Я вполуха слушала, как Большой Боб объясняет, каким маршрутом лучше ехать из Нью-Йорка в Стоппард, и обещает предоставить нам жилье и автомобиль.

Я думала о Руби, лежащей в грязи на каком-то вытоптанном кукурузном поле в сельской глухомани. Она умерла быстро или страдала? Предчувствовала ли свою смерть? Видела ли, как стужается тьма, понимала ли, что это значит?

Я все еще рисовала эту картину в своем воображении, когда мисс Пентикост сказала Большому Бобу, что мы увидимся с ним завтра днем, и повесила трубку.

Она вытащила руку из миски с водой и вытерла ее полотенцем, которое оставила миссис Кэмпбелл. Стала сгибать и разгибать пальцы. Они покраснели и выглядели воспаленными, на ее лице отразилась боль.

– По словам мистера Хэллоуэя, поезд отходит завтра в половине седьмого утра с Пенсильванского вокзала, – сказала она. – Можем доехать на нем до Фредериксберга, а там нас будет ждать шофер.

Я ничего не ответила, только кивнула.

– Хотя цирк уезжает чуть больше чем через неделю, мы должны быть готовы остаться надолго. Давайте соберем вещи на три недели, – сказала она.

Я снова рассеянно кивнула.

– Уилл?

– Что?

Я удивилась, насколько хриплым был мой голос.

Надо отдать ей должное – она не стала задавать бессмысленных вопросов вроде «Вы хорошо себя чувствуете?». Она просто дала мне несколько секунд, чтобы прийти в себя.

– Да, на три недели в самый раз. Лучше перестраховаться. Собрать все необходимое на случай неприятностей?

– Полагаюсь на вас, решайте сами.

– Ладно, – сказала я. – Значит, подготовимся к неприятностям.

Глава 3

Наше путешествие началось с первыми лучами солнца. У Пенсильванского вокзала мисс Пентикост, я и миссис Кэмпбелл перегрузили вещи из багажника «кадиллака» на тележку носильщика. Я обычно беру с собой слишком много вещей, так что наши массивные чемоданы чуть не опрокинули тележку.

– В этот раз везем с собой всего одно тело, – пошутила я, давая носильщику на чай.

Он взял доллар, сонно улыбнувшись.

Миссис Кэмпбелл обняла нас обеих так, что хрустнули ребра, и в пятый раз за утро предложила составить нам компанию. И в пятый раз мы ответили, что кто-то должен держать оборону в бруклинской крепости и что мы скорее пострадаем от кремовых тортов, чем от пуль.

– За ней нужно приглядывать, – сказала она, но я не вполне поняла, с кем из нас она говорила.

Мы помахали друг другу на прощание. Я поежилась, когда миссис Кэмпбелл сделала разворот посреди Седьмой авеню и чуть не врезалась в крыло городского автобуса.

Затем мы с боссом последовали за багажом на платформу. Чемоданы погрузили куда положено, и мы заняли места друг напротив друга в пассажирском вагоне.

Мисс Пентикост вытащила из сумки толстую папку. Отпечатанная этикетка на обложке гласила: «Оливия Уотерхаус». Выжимки из нашего последнего крупного дела, которые мисс Пентикост перечитывала при каждом удобном случае. Она была уверена, что мы еще столкнемся с этой женщиной.

Я не разделяла ее уверенности. Профессор Уотерхаус исчезла, мы ничего не слышали о ней несколько месяцев.

Впрочем, это не совсем так. Вскоре после того, как доктора Уотерхаус и след простыл, один из самых подлых ростовщиков города разослал письма сотне самых бедных своих клиентов о том, что прощает их долги и возвращает им отданные в залог дома. Три дня спустя он повесился на потолочном вентиляторе.

Не было никаких доказательств, что Уотерхаус имеет к этому отношение. Но мне казалось, что я вижу в этом ее руку, и мисс Пентикост была со мной согласна.

Я рассеянно провела пальцем по шраму на левой щеке. Еще одно напоминание о том деле. Рана прекрасно зажила, но врачи сказали, что я и в старости буду видеть эту бледную полоску, глядя в зеркало по утрам.

Пока мисс П. в сотый раз перечитывала все ту же стопку листов, я порылась в портфеле, который использовала вместо дамской сумочки, и выудила «Сердце – одинокий охотник».

Мисс Пентикост тщательно следила за тем, чтобы заполнить лакуны в моем образовании. Я убежала из дома в пятнадцать, а до того не особенно налегала на учебу. За этим последовали пять лет в цирке и четыре года работы на мисс Пентикост. Не тянет на приличное образование. Поэтому мой босс решила заменить мои любимые детективные романы чем-то более зрелым. Я выбрала историю Карсон Маккалерс о глухонемом, который становится всеобщим доверенным лицом в глубинке штата Джорджия. Я остановилась на этой книге, потому что Маккалерс была моей ровесницей – ей было двадцать три, – когда вышел ее первый роман. Я решила, что мы, работающие девушки, должны держаться вместе.

Поездка от Пенсильванского вокзала до Фредериксберга, штат Виргиния, занимала пять часов с лишним, и я намеревалась проглотить солидную часть романа.

Где-то между Ньюарком и Филадельфией я поняла, что уже пятый раз читаю один и тот же абзац, и бросила это дело. Вытащила последний выпуск «Странных преступлений», но не могла сосредоточиться даже на статье о полиграфе и о том, как его обмануть.

Мисс П., не привыкшая вставать в такую рань, заснула и довольно зычно похрапывала. Я взяла из ее ослабевших рук папку и убрала ее.

Потом попыталась задремать, но не сумела уговорить свои нервы.

Я не любила поезда.

Подземка – другое дело. Из метро можно выскочить через каждые две минуты, поймать такси и сбежать, если вдруг не захочешь ехать дальше.

В поездах выбора нет. Нельзя поменять курс в последний момент. Кто-то определил твой маршрут еще сотню лет назад, и тебе придется пройти его до конца.

Как в железном гробу.

Мисс Пентикост однажды сказала, что это из-за моей клаустрофобии. Я ответила, что не страдаю клаустрофобией. Мне просто не нравится находиться там, откуда нельзя сбежать, и я считаю, что это вполне разумно, и не нужно изобретать такое длинное слово, чтобы оправдать это.

Я решила немного размяться, а потому тихо выскользнула в коридор и направилась к вагону-ресторану. Там я купила чашку кофе с рогаликом и нашла свободное место в глубине вагона.

Рассматривая мелькающие за окном пейзажи, я позволила своим мыслям снова перенестись к Руби и моим пяти годам в цирке Харта и Хэлловея.

Я приехала в цирк истощенной и измученной, в синяках и ссадинах, отчаянно желающей сбежать от жизни, которая, я знала, не приведет ни к чему хорошему. Мысль о том, чтобы жить в мире красок и веселья и никогда не задерживаться в одном месте дольше пары недель, приводила меня в восторг.

Я быстро поняла, что жизнь циркового артиста далека от рая, но вместе с тем далека и от того ада, в котором я жила раньше. Поначалу я чистила стойла и клетки от навоза и прочих отходов четвероногих артистов.

Со временем меня повысили до члена команды цирковых рабочих, потом я продавала под куполом леденцы, а потом на моем пути возникла роль прекрасной помощницы Калищенко. Его прежняя ассистентка забеременела от какого-то счастливчика, и меня заставили занять ее место. Я натягивала расшитое блестками трико и потела по двенадцать часов в день, пока человек, которого все остальные прозвали Русским Психом, метал в меня ножи.

Все стало гораздо интереснее, когда я начала швырять ножи обратно. Калищенко решил, что из меня выйдет толк, и стал учить меня своим трюкам. Это вдохновило других артистов взять меня под свое крыло и обучить основам магии, акробатики, верховой езды, укрощения змей, гадания и всего остального, включая пару уроков стриптиза, которыегодились мне только однажды, но чем меньше я буду об этом рассказывать, тем лучше.

Короче говоря, под конец моей цирковой жизни я была мастером на все руки и могла при необходимости помогать любому артисту.

А потом я встретила мисс Пентикост – спасла ей жизнь, метнув нож в спину мужчины, который намеревался ее убить, – и мисс П. наняла меня помощницей, каким-то образом разглядев во мне потенциал.

Но лишь потому, что Калищенко заметил его первым.

Я вспомнила первые дни наших тренировок. Я промахнулась пять раз из пяти, и Калищенко принялся орать на меня благим матом в полуметре от моего уха.

– Что за хрень? Ты же можешь лучше. Сама знаешь. И я это знаю. Так давай, покажи себя!

Показать себя. Как будто это так просто.

– Хочешь внушить мне, что тот первый раз был случайностью? Когда ты чуть не оттяпала мне ухо? Это было случайно?

– Тогда я об этом не думала! – рявкнула я в ответ. – Просто разозлилась и бросила.

Улыбка Калищенко была заметна даже через его густую бороду.

– Отлично! Это отлично! С этого можно начать. Разозлись, – велел он. – Разозлись и швырни нож.

– Продолжай орать мне в ухо, и я легко разозлюсь.

Он положил мне руки на плечи и развернул к мишени.

– Смотри на цель. Почувствуй нож в руке. Его вес. А теперь представь человека, который заслужил этот нож в груди. Человека, в которого ты хочешь метнуть его. Человека, который тебя обидел, вел себя отвратительно. Представь, что он стоит перед тобой. Ты его видишь, Уиллоджин?

Я кивнула.

– Тогда бросай.

И я бросила. Нож с глухим звуком вонзился в деревянную мишень в двух дюймах от центра.

Калищенко хлопнул в ладоши.

– Вот! – гаркнул он. – Вот теперь, когда ты перестала думать, можно начинать.

Девять лет спустя я была совсем не похожа на того неуклюжего подростка, который отчаянно пытается доказать, что он может постоять за себя.

Ладно, признаю, может, не совсем не похожа. Но достаточно. Калищенко я была обязана жизнью. Причем во многих смыслах.

Я пила третью чашку кофе, когда в вагон-ресторан вошла мисс П., осторожно ставя трость на медленно покачивающийся пол. Я помахала ей, приглашая за свой стол.

– Еще раз доброе утро. Кофе? Перекус?

– Только кофе, – ответила она, потирая сонные глаза.

Я жестом попросила у официанта вторую чашку.

– Где мы? – поинтересовалась мисс П.

– Только что проехали Филадельфию. Наверное, это вас и разбудило. Скоро будем в Уилмингтоне.

Официант принес ей кофе, и мисс Пентикост поблагодарила его. Она выглянула в окно, отхлебнула из своей чашки и подождала, пока кофеин подействует. Теперь, когда ее шестеренки были как следует смазаны, она повернулась ко мне.

– Опишите мисс Доннер.

Мой босс не тратит время попусту.

– Ну, высокая и стройная, карие глаза, каштановые волосы. Что до особых примет, то их около трехсот, от ключиц и ниже.

– Очень смешно.

А по выражению лица так и не скажешь.

– История довольно стандартная для цирковой артистки, – продолжила я. – Девушка из провинции грезит о блеске шоу-бизнеса и пакует чемоданы, чтобы отправиться в Нью-Йорк. Там она узнает, что актриса из нее никакая: она не умеет ни петь, ни танцевать. Достаточно симпатична для работы моделью, но на то же место претендует десять тысяч не менее симпатичных девиц. Однажды она гуляет по Кони-Айленду и набредает на тату-салон. По мимолетной прихоти делает первую татуировку. И что-то в этом очень цепляет ее и уже не отпускает. Через год чернильных рисунков на ней уже на сотню больше. Она знакомится с девушкой, которая знает парня, который на короткой ноге с Большим Бобом Хэлловеем. Когда цирк в очередной раз приезжает в город, ее представляют Большому Бобу. Он видит в ней потенциал и приглашает в труппу.

– Вы узнали все это от мисс Доннер? – уточнила мой босс.

– Конечно. Она постоянно рассказывала свою историю. Публике она нравилась. В смысле да, конечно, многие наверняка воспринимали этот рассказ как нравоучение. Девочки, оста-

вайтесь дома, иначе вам придется выставлять свое тело напоказ перед толпой сексуально озабоченных зевак. Правда, забывали, что они и есть эти самые зевачи.

Но Руби – это не только кожа, чернила и улыбка. Я поняла это с первого взгляда. Она была особенной, даже оставаясь одетой. И это в цирковой труппе, где нет обычных людей.

Однажды на Таймс-сквер я мельком увидела Сьюзен Хэйворд¹. Она находилась в самом низу моего рейтинга ослепительных красоток. Но зато она была живой, чем не могла похвастать ни одна из окружающих ее девиц. Такой была и Руби.

Девушка из цветного кино в черно-белом мире.

– К тому моменту, как я появилась в цирке, она работала там всего пару лет, – сказала я. – Совсем недавно стала полноправным членом труппы. Но ей доверяли. Она была из тех, к кому ты идешь, если тебя что-то гнетет. Не как мать-наседка. Она никогда не говорила что-то вроде: «Ох, бедняжка» – и все в таком духе. Она решала проблемы.

– А подробнее?

– Например, когда Лулу – это прежняя помощница Калищенко – оказалась в интересном положении. Именно Руби сделала все нужные звонки, нашла врачей, которые занялись девушкой, и место, где она могла восстановиться, – объяснила я. – Это не значит, что все ее любили. У нее был острый язык, в особенности когда она была пьяна. Но даже те, кто не просил у нее автограф, ее уважали.

– Как к ней относился мистер Калищенко? – осведомилась мисс П.

Я предвидела этот вопрос, но не горела желанием отвечать на него.

– Он не принадлежал к числу ее поклонников. И это было взаимно.

– По какой-то определенной причине?

– Не уверена, что была какая-то одна причина, – ответила я. – Он всегда посмеивался над Руби, потому что для ее номера не нужно было никаких особых навыков. Достаточно было просто подставить свое тело под тысячу уколов иглой, а потом раздеться и выставить напоказ результат. А она отвечала, что нужно больше смелости, чтобы делать татуировки, чем чтобы напиваться и швырять ножи в маленьких девочек. Она называла его пропойцей, а он ее – эксгибиционисткой, так и жили. Они просто не могли существовать друг рядом с другом. Никак.

В эту минуту поезд начал тормозить на станции в Уилмингтоне. Мы молчали, пока люди вокруг поспешно оплачивали заказы и хватали багаж.

Я наблюдала через окно, как с пять десятков офисных работников одновременно надели шляпы и устремились с платформы туда, где получают жалованье. Скорее всего, на один из литейных или химических заводов, которые продолжают работать даже после окончания войны. Половина мужчин с платформы год или два назад, вероятно, были где-то за границей и пытались остаться в живых.

А теперь они здесь, работают с девяти до пяти и подвергают свою жизнь опасности, только когда переходят через дорогу. По идее, это должно быть для них облегчением.

Но, судя по их одинаково, как под копирку, опущенным лицам, возможно, это было не так.

Мы оставили Уилмингтон позади, поезд петлял между дымящими фабриками по берегу такой грязной реки, что даже канал Гованус в Бруклине, куда стекают нечистоты, по сравнению с ней покажется райскими кущами.

– А что насчет мистера Калищенко? – спросила мисс П.

– Он работал в цирке еще до того, как его купил Большой Боб. Приехал из России сразу после революции. То есть в 1917 или в 1918 году. Что-то в этом роде.

– С семьей? – спросила она.

Я покачала головой.

---

¹ Американская актриса, пятикратный номинант премии «Оскар», лауреат премии за роль в фильме «Я хочу жить!» (1958).

– Он никогда не говорил о семье. Не считая заявления, что он потомок Распутина.

Я не упомянула, что многие годы принимала это за чистую монету, потому что понятия не имела, кто такой Распутин.

– Думаю, его родные умерли, – сказала я. – Честно говоря, я знаю о вашем прошлом больше, чем о его, а вы охраняете свою биографию лучше, чем стерегут Форт-Нокс.

Если она и отметила легкую обиду в моем тоне, то не подала вида.

– Вэл не из тех, кто любит поболтать. Я была одной из немногих, кто ладил с ним, и то лишь потому, что он едва не зарезал меня несколько... тысяч раз.

Слово «зарезал» оставило во рту неприятный привкус. Прошло полминуты, прежде чем язык снова начал ворочаться.

– Хотите, эм... Хотите получить портреты остальных членов труппы цирка Харта и Хэлловея? – спросила я.

Мисс Пентикост задумалась, а потом покачала головой.

– Лучше приступить к делу без предубеждений. Скоро я сама с ними встречусь.

Я попыталась представить это: моя новая жизнь и старая под одним куполом. Но мне не хватило воображения. Я откинулась на спинку сиденья, железный гроб грохотал дальше.

Глава 4

Остаток пути мы провели без происшествий, не считая памятного случая на вокзале в Вашингтоне. Поезд как раз обменял стадо пассажиров в костюмах на толпу людей, которые едут на юг провести выходные, когда я выглянула в окно и заметила группу женщин в очереди на посадку в вагон для цветных.

Они выглядели так, будто только что пробежали марафон. У всех в руках были плакаты с лозунгами вроде «За жизнь и свободу» и «Линчевание показывает слабость». Я догадалась, что они, наверное, прибыли в столицу в начале недели, протестуя против линчевания двух негритянских семей в Монро, в штате Джорджия.

Я была так поглощена подготовкой к суду над Сендаком, что уделяла мало внимания новостям. Теперь я смотрела на этих женщин, нескольких из тех тысяч, которые прошли маршем перед Белым домом, требуя внимания Трумэна, а сейчас возвращались домой. Прежде чем впустить их в вагон, грузный проводник отобрал у них таблички. Когда женщины зашли внутрь, он разорвал, скомкал и затолкал плакаты в ближайшую урну.

С тех пор много чего произошло, но я до сих пор помню его скучающее равнодушное лицо, с которым он запихивал плакаты в мусорку.

Винтик в машине. Ржавый винтик.

После этого поезд быстро пронесся мимо ферм и пастбищ Виргинии, миновал с десятков крупных городов и около полудня прибыл во Фредериксберг. Я выхватила багажную тележку, забрала чемоданы и вывезла их на улицу.

Я не беспокоилась, что машину, обещанную Большим Бобом, трудно будет найти, и правильно делала. Прямо перед станцией стоял грузовичок «Интернэшнл Харвестер» с деревянными бортиками в кузове. По крайней мере, я решила, что когда-то он им был. Теперь на нем не осталось живого места: все ржавое, покореженное и вот-вот отвалится.

Свежо выглядели только полотняная афиша на кузове: «Передвижной цирк Харта и Хэлловея, Стоппард, 30 июля – 10 августа» – и водитель, который стоял рядом с машиной и нервно покачивался на каблучках.

Увидев нас, он заулыбался и выкрикнул:

– Мисс Паркер! Мисс Паркер! Сюда, мэм! Я ваш водитель!

– Старый приятель? – спросила мисс Пентикост, когда мы двинулись к грузовику.

– Старый? Сомневаюсь, что в его возрасте уже можно водить машину.

Я подвезла багажную тележку к машине, но прежде чем я успела хотя бы дотронуться до чемоданов, шофер уже был тут как тут.

– Привет! Сэмюэль Ли Батчер к вашим услугам. Можете звать меня Сэм Ли. Я отвезу вас в цирк. Это недалеко. Большой Боб и сам бы приехал, но мы открываемся в полдень, и он... ну, сами знаете, чем он занят. В общем, он бросил мне ключи и сказал: «Сэм Ли, привезешь Уилл Паркер и мисс Пентикост...» Простите, мэм, я Сэм Ли, рад знакомству. Большой Боб столько всего о вас рассказывал. Короче, он бросил мне ключи от своей колмаги и велел доставить вас к нему аккуратно и быстро, и если бы я мог выбирать, то предпочел бы «быстро».

Он продолжал этот монолог, загружая наши чемоданы в кузов, вплотную к кабине. Потом, не переставая тараторить, помог нам забраться в грузовик: он за рулем, мисс П. на пассажирском сиденье, а я зажата между ними. Как только мы устроились, он повернул ключи в замке зажигания, мотор закашлялся и зарычал, и мы тронулись.

На несколько минут, которые потребовались, чтобы покинуть Фредериксберг, Сэм Ли закрыл рот. Это дало мне время понаблюдать за ним. Внезапно я поняла, что знаю его, хотя никогда не видела. Джинсовый комбинезон в пятнах всех сортов. Мальчишка едва достиг воз-

раста, когда можно водить машину, но уже сидит за рулем двухтонной смертоносной колымаги. Энтузиазма как у щенка, которого выпустили побегать на задний двор.

Он был новичком. Как и я когда-то. Если бы я была на полголовы выше, чернокожей, а мои голосовые связки работали как шестицилиндровый двигатель.

Наш слишком молодой водитель вывел грузовик на двухполосное шоссе, а затем петляющими проселочными дорогами проехал мимо леса, фабрик и разного рода ферм. В грузовике было жарко как в аду, мы открыли оба окна и терпели запах навоза ради легкого ветерка.

Прошло добрых сорок минут, прежде чем мы въехали в Стоппард, и если за все это время наш шофер перестал болтать хоть на полминуты, я этого не заметила.

Сэм Ли, как он гордо заявил, не был совсем уж зеленым. Он проработал в цирке целых полгода. Пытаясь убедить нас, он рассказывал, как загонять в стойло лошадей, как правильно устанавливать шатер и продавать закуски во время представления.

– Мясники – так в цирке называют продавцов, уж не знаю почему, – так вот, сначала они разносят сухие и соленые закуски, – объяснял он мисс Пентикост со страстью новообращенного. – Попкорн, сушки, арахис. Напитки придерживают до третьего или четвертого акта. Пока у зрителей не пересохнет в горле. Потом – приманка для ребятишек вроде сахарной ваты или лакричных леденцов. Лучше всего разносить их после выступления клоуна. Довольные родители хохочут и легко открывают кошельки ради своих малышек. А сахарные яблоки лучше придержать до конца. Их слишком долго жевать. Какой-нибудь недотепа возьмет одно в начале и будет грызть до конца представления, не купив больше ничего.

Разговоры о еде заставили мой желудок неприлично буркнуть, напомнив, что прошло несколько часов с тех пор, как я бросила в топку рогалик, и что мисс П. только выпила кофе.

Мы свернули на главную улицу города, похожую на сотни других главных улиц, по которым я проезжала, пока работала в цирке. Там был весь необходимый набор: один магазин одежды, одна бакалея, один банк, одна аптека, один цветочный магазин, одно здание суда, расположенное рядом с городской площадью, и с ним по соседству полицейский участок.

Я подумала, там ли сейчас Калищенко, запертый в крохотной камере. И знает ли он о нашем приезде.

Потом мы оказались на площади, где увидели вторую половину типичных провинциальных заведений: магазин «все по пятнадцать центов», кабинет врача, похоронное бюро и так далее. Все необходимое, чтобы пройти путь от рождения до смерти с остановками посередине.

Выделялось только одно заведение – кинотеатр. Неосвященная вывеска гласила: «Великолепный». На это название он явно не тянул, но в маленьких городках своя система оценок.

Под названием черными пластмассовыми буквами было набрано:

«Люди-кошки»

Каждый день вечером и по утрам в выходные

Любопытно: кинотеатр в заштатном городишке показывает «Людей-кошек».

Мой желудок снова подал голос. Живот мисс П. отозвался эхом.

– В этом городе есть приличное кафе? – спросила я.

На территории цирка у нас будут только закуски для зрителей или цирковые харчи. Моей работой было, в частности, следить за тем, чтобы мисс Пентикост получала достаточно приличной еды для поддержания ее интеллектуального двигателя в рабочем состоянии. И хотя я могла питаться лимонадом и хот-догами, мисс Пентикост наверняка предпочтет топливо, которое не нужно заливать горчицей.

Услышав этот вопрос, Сэм Ли слегка скривился. Скорее всего, его тревожило отступление от указаний Большого Боба. Но он направил грузовик в переулок и остановился перед дверью кафе «Перекуси у Генри», где, судя по вывеске, подавали «лучшую жареную курицу в Виргинии!».

Мы все втроем вышли из машины.

– Давайте проверим эту рекламу, – сказала я. – Я плачу.

– Я останусь снаружи, у грузовика, мисс Паркер, – сказал Сэм Ли. – А вы с мисс Пентикост не торопитесь.

Я уже хотела настоять и затащить его с нами, но босс легонько толкнула меня локтем и кивнула на стекло в двери ресторанчика. Оно было облеплено одинаковыми выцветшими на солнце желтыми листовками:

Протяните руку помощи нашим ребятам! Покупайте облигации победы!

Я уже собиралась спросить, какое отношение ветераны и победа имеют к обеду, когда заметила другое объявление. На уровне глаз, от руки, всего три слова:

Цветным вход запрещен

Этот листок висел здесь уже довольно долго. Буквы подновляли снова и снова, и с каждым разом они становились все толще и темнее. Им не позволяли выцвести.

Не могу сказать, что на севере дела обстояли намного лучше. Подготовка к суду над Сендаком лишила меня иллюзий. Но мы меньше выставляем это напоказ.

– Ждите здесь, – велела я обоим.

Через несколько минут я вернулась с тремя картонными подносами, на каждом было по половинке жареной курицы и бутылке кока-колы, чтобы протолкнуть мясо в желудок.

Сэм снял деревянные перила грузовика, и мы втроем уселись в кузове, болтая ногами, и поели под жарким августовским солнцем. Трудно сказать, были ли эти куры лучшими в штате, но нам – в самый раз. Даже наш водитель молчал, пока ел.

И если у вас создалось ложное впечатление, что мисс Пентикост – напыщенный сноб, значит, вы никогда не слышали, с каким звуком она обсасывает куриную косточку.

Я уже вытирала рот от остатков жира, когда рядом остановился черный седан. Увидев на его крыше мигалку, а на боку – эмблему полицейского управления Стоппарда, я поняла, что нас навелили представители закона.

Я почувствовала, как напрягся сидящий рядом со мной Сэм Ли.

За несколько лет работы с мисс Пентикост я познакомилась со множеством копов. Некоторые мне даже нравились. Некоторым даже нравилась я.

Но когда я работала в цирке, прибытие местной полиции никогда не предвещало ничего хорошего, и вряд ли с тех пор многое изменилось. Однако я даже не подозревала, насколько хуже обстоят дела для Сэма Ли. Судя по его учащенному дыханию, Стоппард не упоминался в «Зеленой книге»², по крайней мере в хорошем смысле.

Водитель выпрыгнул из машины и с опаской покосился на небо, как будто солнце вызывало у него подозрения. Убедившись, что в ближайшее время сверху ему ничто не грозит, он нахлобучил широкополую шляпу на копну седых волос, покрытую толстым слоем бриолина, и вразвалочку направился к нам.

Я стараюсь не судить о книге по обложке, но порой это сложновато. Обложка этого дешевого романа гласила: «Полицейский из захолустья, который ищет, кого бы прижать к ногтю».

Над его ремнем нависало намечающееся брюшко, которое намекало на то, что шеф полиции Томас Уиддл – это имя значилось на сверкающей нагрудной табличке – налегал на лучшую в Виргинии жареную курицу. Однако руки, которые он держал на ремне, были крупными и сильными, а двигался он с легкостью человека, которого никто не назовет ленивым.

---

² «Зеленой книгой» называли путеводитель для автомобилистов по доступным для чернокожих местам, издававшийся в США с 1936 по 1966 год.

– Парень, что я говорил тебе насчет парковки посреди улицы этого бельма на глазу? – сказал он, растягивая гласные и не придавая значения согласным.

Сэм Ли не сводил глаз с начищенных до блеска ботинок полицейского.

– Простите, сэр, – промямлил он. – Мы уже уезжаем. Просто заскочили пообедать.

Глаза Уиддла, почти незаметные под массивным лбом, изучили чужаков. Он быстро оценил меня и отбросил, потом его взгляд остановился на моем боссе. Губы копа дрогнули, но трудно было понять, от каких эмоций.

– А вы, вероятно, Лилиан Пентикост.

Мисс Пентикост кивнула, осторожно слезла с кузова и вытерла пальцы бумажной салфеткой.

– Да, – ответила она.

– Я узнал вас по фотографии из газеты. Дело о поджогах. Довольно... интересное.

Я и не подозревала, что о деле Сендака писали даже виргинские газеты. И не знала, хорошо это или плохо.

Он протянул ей свою лапищу.

– Томас Уиддл, шеф полиции Стоппарда.

Руки встретились посередине, и мясистая лапа поглотила тонкие пальцы. Они были одного роста, но Уиддл был в два раза шире мисс Пентикост.

– Рада знакомству, шеф Уиддл, – сказала она. – А это моя напарница, Уилл Паркер.

Я протянула руку, и он быстро пожал ее. Мягче, чем я ожидала.

– Хотел бы я сказать, что рад знакомству, но это не совсем так, учитывая обстоятельства.

– Да, – согласилась она. – Я предпочла бы приехать сюда при более благоприятных обстоятельствах. Но надеюсь, что сумею помочь в раскрытии истины.

Он медленно и задумчиво кивнул. Как будто и впрямь размышлял, стоит ли это делать.

– Не думаю, что истина осталась нераскрытой, – заявил он. – Дело яснее ясного.

Двигаясь так же медленно, как и Уиддл, мисс Пентикост забрала из кузова свою трость и небрежно оперлась на нее. Как будто они разговаривают на тему «Да, парень, дождь нам бы сейчас не помешал», а не об убийстве.

– Ясное или нет, – сказала она, – но надеюсь, вы не возражаете против моего присутствия.

Наблюдая за этим маленьким спектаклем, я почувствовала, как чей-то взгляд прожигает мне затылок, и обернулась к ресторану.

К окнам, словно щенки в зоомагазине, прижались с полдюжины лиц. Я осмотрела улицу и заметила стоящих у домов горожан. Кто-то подметал несуществующую пыль, другие суетились у кустов роз, которые не нуждались в уходе. Некоторые просто курили и откровенно смотрели это представление.

Я не знала, кто в Стоппарде отвечает за сплетни, но этот человек явно заслужил похвалу.

Я посмотрела направо и заметила, что Сэм Ли смотрит на этих двоих так же замороженно, как и остальные. У него был напряженный вид человека, который готов удрать, как только в баре начнется драка. У меня не было возможности объяснить, что мой босс не из тех, кто устраивает драки.

Для этого у нее есть я.

– Мистер Хэлловей предупредил меня о вашем приезде, – протянул шеф полиции. – А я сказал, что он понапрасну истратит денежки. Но мы все равно вам рады. Пока вы следуете закону. Букве, а не только духу закона.

Мисс П. чуть вздернула голову.

– Я слышал разные истории... Вроде как вы со своей напарницей очень... изобретательны, – продолжил Уиддл. – Мы тут таких глупостей не потерпим.

– Глупостей, шеф Уиддл?

Моему боссу не так часто приходится изображать невинность, хлопая ресницами, и она справилась с этой задачей не хуже девственницы в борделе.

– Тот трюк, который вы провернули вчера с этим парнем, Сендаком. В «Таймс» опубликовали часть стенограммы. Попробуйте сделать что-то подобное перед нашим судьей Берри, и проведете ночь в тюрьме за неуважение к суду.

Так значит, наш провинциальный коп читал «Таймс», причем достаточно внимательно, чтобы распознать наш фокус. Я считала Уиддла не больше чем игроком в шашки, но начала подозревать, что он отличит ладью от пешки.

– Это был всего лишь способ раскрыть истинный характер мистера Сендака, – отозвалась мисс Пентикост, пытаясь защитить ферзя.

– Судя по тому, что я читал, это было не очень сложно. Похоже, он держал оборону не слишком твердо.

– Люди – сложные существа.

– Люди, может, и сложные, но убийства обычно нет. – Он снял шляпу и вытер полосу пота с гектара своего лба. – Но вы вольны проверить это самостоятельно.

Шах. Хотя и не мат.

Теперь медленно и задумчиво кивнула уже мисс Пентикост.

– Вы не будете возражать, если я поговорю с мистером Калищенко? – спросила она.

– Нет, мэм. Посещения с полудня до пяти, а по воскресеньям с десяти до двух. Я скажу своим, чтобы вас провели к... мистеру Калищенко. – Он произнес это так, будто слово «мистер» чуть не застряло у него в горле. – Он будет в нашей тюрьме до вторника.

– А что случится во вторник? – встряла я.

– Во вторник судья Берри возвращается из отпуска. Поехал на рыбалку в Чаттахучи. Во вторник мы предъявим вашему приятелю обвинение, а потом переведем в окружную тюрьму. И прежде чем вы спросите: да, у него есть адвокат. Мистер Хэлловой вызвал кого-то из Ричмонда.

Я сделала мысленную пометку – спросить Большого Боба про адвоката. Зная, какую прибыль получает цирк, я догадывалась, что он нанял далеко не самую яркую звезду среди ричмондских юристов.

Шеф полиции приподнял свою шляпу.

– Берегите себя, дамы.

Затем он развернулся на каблуках своих ковбойских сапог и зашагал к машине.

Я помалкивала на протяжении почти всей словесной шахматной партии и теперь не могла удержаться и не съесть пешку.

– Яснее ясного, значит. Ну да, зачем потеть ради какой-то неизвестной артистки? – сказала я достаточно громко, чтобы услышал Уиддл. – Жертва – циркачка, и убийца тоже циркач. Проще пареной репы.

Он остановился, повернулся и смерил меня взглядом. Но я не могла расшифровать, что происходит за его колючими глазами.

– Вы что, не знаете?

– Чего я не знаю?

– Руби Доннер выросла в полумиле отсюда. Я качал ее на своем колене, – сказал он. – И если бы это зависело от меня, я бы поджарил эту русскую сволочь на электрическом стуле.

Глава 5

Запах сахарной ваты, хот-догов и лошадиного навоза, стон колеса обозрения, визг страха и восторга со стороны «Центрифуги» и крики десятка продавцов, предлагающих свои угощения.

Дом, милый дом.

Цирк устроился на поле к югу от города. Наверное, когда-то тут росла кукуруза, но ее не сеяли уже много лет. Теперь здесь раскинулись аттракционы, павильоны и киоски Харта и Хэлловея, а в центре – большой купол шапито. Территорию огораживала полотняная изгородь выше человеческого роста.

Сэм Ли припарковал грузовик у главного входа, где люди обменивали зеленые доллары на проход под огромной аркой, на которой было написано название цирка, причем настолько большими буквами, что их можно было бы разглядеть и с самолета.

Попросив одного из зрителей парковки приглядеть за грузовиком и чемоданами в кузове, Сэм Ли повел нас на территорию, куда нас пустили бесплатно, в обход очереди.

Хотя не могу сказать, что очередь была такой уж большой. Людей было маловато даже для вечера четверга.

– Большой Боб готовится к представлению в своем трейлере, – сказал Сэм Ли. – Надеюсь, мы успеем перехватить его до начала.

Он повел нас по извилистой тропе мимо «Аллеи диковин». Афиша сообщала: «Открыто с 13.30. Приветствуем смельчаков!»

«Аллея диковин» всегда открывалась попозже: она не привлекала ранних пташек. Здесь под гирляндой электрических лампочек можно было увидеть Мальчика-аллигатора и человека, забивающего в нос гвозди. Совсем другое дело смотреть на них под полуденным солнцем, которое сжигает всю мистику.

Мы миновали аллею аттракционов и обогнули малый шатер, где выступали артисты, на которых лучше всего было смотреть с близкого расстояния. Я услышала, как Мистерио разогревает публику:

– В моих рукавах пусто. Ой, что это?

Последовали вялые аплодисменты.

На юго-западном краю территории стояли трейлеры труппы. Сэм Ли подвел нас к самому маленькому и постучал в дверь.

Знакомый голос сказал изнутри:

– Входите!

Сэм Ли придержал для нас дверь, и мы вошли. Когда я переступала порог, парнишка вручил мне ключи от грузовика.

– Большой Боб сказал, что, пока вы здесь, драндулет в вашем распоряжении, – заявил он.

– Спасибо. Постараюсь не поцарапать ржавчину.

– Был очень рад познакомиться с вами обеими, – сказал он. – Если вам что-то понадобится, просто выкрикните мое имя, и либо я услышу, либо кто-нибудь меня найдет.

И он убежал по каким-то делам, которых всегда полно у человека, занимающего нижнюю ступень в цирковой иерархии.

Трейлер был раза в четыре меньше моей крохотной комнатки в Бруклине. Несмотря на это, Большой Боб сумел как-то втиснуть сюда самодельную кровать, комод, письменный стол с пишущей машинкой, книжный шкаф и зеркало в полный рост. Стены были оклеены старыми афишами и рекламными листовками – два десятилетия воздушных акробатов и смешных клоунов, рычащих тигров и улыбающихся танцовщиц.

Их бумажные глаза уставились на меня, и оттого трейлер казался еще меньше. Не очень-то приятное чувство.

Но для Большого Боба он был подходящего размера. Директор и шпрыхталмейстер цирка Харта и Хэлловея ростом меньше полутора метров в этот момент стоял перед зеркалом, добавляя последние штрихи к своему образу.

Как он любил говорить, раз уж он единственный карлик в цирке, справедливо, что он занимает самый маленький трейлер. Из-за этого всем остальным было труднее жаловаться на свое жилье.

Боб был одет в свой обычный костюм – ярко-красный фрак с черной рубашкой и брюками и ярко-красный галстук-бабочка. Длинные волосы до плеч были выкрашены в такой же черный, какими были его лакированные туфли, зачесаны назад и собраны на затылке серебряной заколкой. Я заметила, что в его бородке появилась седина.

Он наносил черный грим под глаза – старый трюк всех артистов, чтобы лицо не блекло в лучах прожекторов. Кроме того, он считал, что в сочетании с бородой это придает макиавеллиевский вид.

И в этом была доля истины.

– Простите, дамы. Если я с этим напортачу, краска попадет в глаза, и ко второму пере-рыву я начну рыдать вслед за клоунами. Если найдете свободное местечко на кровати, можете сесть, не стесняйтесь разобрать вещи.

Мисс П. отодвинула груды одежды и села, а я осталась стоять. Вытерев излишки краски пальцем, Большой Боб бросил последний взгляд в зеркало. Удовлетворенный увиденным, он повернулся к гостям.

Он протянул руку мисс Пентикост. На этот раз ее пальцы проглотили ладонь собеседника.

– Рад снова вас видеть, мэм, – сказал он.

– Я тоже, мистер Хэлловей.

– Я ведь уже говорил в прошлый раз. Зовите меня Боб. В крайнем случае Роберт. Если вам это необходимо.

Эти двое познакомились, когда мисс П. наняла меня своей помощницей. Я не присутствовала на их встрече, потому что в этот момент сидела в тюрьме. Так что теперь я замороженно наблюдала за этим диалогом.

– Примите мои соболезнования, Роберт. Надеюсь, мы сумеем помочь.

– Я тоже на это надеюсь.

Большой Боб повернулся ко мне.

– Паркер, – сказал он, медленно оглядывая меня с головы до пят. – Неплохо выглядишь. Надеюсь, теперь ты регулярно принимаешь душ?

– Каждые две недели по средам, – отозвалась я. – А ты по-прежнему покупаешь трусы в детском отделе?

– Не-а. Вообще перестал их носить.

Мы одновременно ухмыльнулись, он шагнул вперед, крепко обнял меня и отклонился назад, чтобы оторвать меня от пола. Боб, может, и не вышел ростом, но до того, как стать шпрыхталмейстером, он был рабочим сцены и до сих пор мог орудовать кувалдой наравне с лучшими из них.

Он поставил меня обратно и снял с изголовья кровати ярко-красный цилиндр.

– Мне пора на представление, – сказал он. – Позже можем посидеть и все обговорить, но пока введу вас в курс дела по дороге, если вы не против слушать на ходу.

– Думаю, мы справимся, – ответила мисс Пентикост.

Мы выпрыгнули из трейлера и направились к большому шатру, пробираясь между разносчиками, на бегу поправляющими костюмы артистами и толпой зрителей, глазевших на все

вокруг. В том числе и на карлика во фраке и цилиндре, женщину в безупречном костюме и с тросточкой и, как они, очевидно, думали, спешащую за ними секретаршу в брюках средней паршивости.

– Вот как было дело, – сказал Большой Боб. – До вечера субботы мы были в Питтсбурге, в воскресенье приехали в Стоппард, но слишком поздно и особо ничего не успели, в понедельник обустроивались, а открылись во вторник. Открытие прошло без сучка и задоринки. Около одиннадцати вечера девушки пошли за Руби в ее павильон, чтобы вместе вернуться в трейлеры и подготовиться к ночному представлению в малом шатре. Руби не надо было долго одеваться для шоу, поэтому она обычно помогала другим. Она сказала девушкам в этот раз исключить ее из программы представления. Сказала, что она...

Дорогу нам перебежала девчушка лет семи, сахарная вата размером с голову заслоняла ей обзор. Большой Боб сделал пируэт вокруг нее, снял шляпу, изобразил поклон, отчего девочка разразилась смехом, и продолжил движение, не проронив ни слова.

– ...должна поговорить со мной о чем-то. Она шла с «Аллеи диковин», и там ее видели в последний раз, пока не нашли мертвой. Погодите-ка.

Он быстро свернул в сторону и обогнул шатер, где шло выступление Мистерио. Большой Боб остановился у заднего входа, полог был слегка откинут. Публика уже выходила с другой стороны, а Мистерио и его помощница убирали реквизит.

Последние годы не были милосердны к фокуснику. Его лицо начало оплывать, а кожа обвисла. Смокинг выглядел поношенным и натянулся на животе.

Он поднял голову, и наши взгляды встретились. Я улыбнулась, но он не ответил на улыбку. Даже не кивнул, не удивился. Только замер на полсекунды и продолжил собирать бумажные цветы.

Я решила не принимать это близко к сердцу.

– Вот где ее нашли, – сказал Большой Боб, указывая на клочок земли, покрытый опилками и грязью, прямо у полога.

– Кто нашел ее? – спросила мисс Пентикост, немного запыхавшаяся после долгой прогулки.

– Помощница Мистерио, Аннабель, – он кивнул на высокую брюнетку в ярком трико, которая собирала игральные карты. – Она шла к трейлеру, чтобы переодеться для ночного представления. И чуть не споткнулась о тело.

– Непохоже, что здесь часто ходят, – заметила мисс Пентикост.

– Да. Мы называем этот путь «Петля». По сути, он огибает территорию. Идет между внешней изгородью и шатрами, чтобы артисты могли передвигаться, не расталкивая локтями публику.

– Значит, нет ничего странного в том, что Руби пошла этим путем?

Большой Боб склонил голову набок.

– И да, и нет. Есть прямой путь от главного входа на «Аллею диковин», к трейлерам. Даже несмотря на то, что зрители выходили из шатра, этим путем Руби могла добраться до меня гораздо быстрее.

Мой босс покосилась на меня, и я понимающе кивнула. Мы обе подумали об одном и том же. Возможно, она избегала не толпу в целом, а какого-то конкретного посетителя.

– Вы знаете, зачем она хотела вас видеть? – спросила мисс П.

– Понятия не имею.

– Незадолго до смерти в ее поведении что-нибудь изменилось?

– После смерти Берты она совсем поникла.

– Берты? Подруги?

– Ее удава, – вставила я. – Ну, не совсем ее. На самом деле змея принадлежала Рэю. Он любит всяких ползучих тварей. Но Руби одалживала Берту для своего номера.

Я снова перенеслась в прошлое, в тот момент, когда впервые увидела, как Руби кладет змею на плечи и хихикает, когда та щекочет ей ухо языком. Руби сама по себе привлекала взгляд. Но при виде Руби и шестифутового удава вокруг ее шеи у меня замирало сердце.

– В субботу утром Руби нашла Берту мертвой в клетке. И была очень расстроена, – объяснил Боб.

– Отчего умерла змея? – спросила мисс Пентикост.

– Насколько мне известно, по естественным причинам. Ей было уже много лет.

– Если Руби была расстроена, то Рэй, наверное, безутешен, – сказала я. – Если он еще здесь.

– О да, – кивнул Боб. – Уж Рэй точно никуда отсюда не денется. Если цирк закроется, то нас двоих придется уносить вместе с шатрами.

Мисс П. вернула нас к теме:

– Сколько посетителей было во вторник вечером?

Боб покачал головой.

– Точно не знаю. Попозже могу проверить записи.

– Можем спросить Ди, – предложила я. – Ее стол по-прежнему у палатки с едой?

Ди когда-то была танцовщицей, а потом начала вести бухгалтерию цирка и регулярно вводит в Боба дозу здравого смысла.

Он снова покачал головой, на этот раз печальнее.

– Прости, детка. Ди сбежала с корабля вскоре после тебя. Теперь живет во Флориде. Открыла что-то вроде музея диковин на островах Ки.

Это меня потрясло. Ди была такой же неотъемлемой частью цирка Харта и Хэлловея, как скрип колеса обозрения и запах сахарной ваты. Я не могла представить, как цирк работает без нее.

Словно прочитав мои мысли, Большой Боб добавил:

– Я двадцать лет заглядывал Ди через плечо, так что наша бухгалтерия в надежных руках.

А кроме того, в последнее время там и считать-то нечего.

Мисс Пентикост начала перетаптываться с ноги на ногу – первый признак, что она устала или сгорает от нетерпения. Или и то и другое. Я поспешно вернулась к главному:

– Вряд ли она хотела поговорить с тобой из-за смерти Берты. Что еще ее глодало?

Он пожал плечами:

– Если у нее и были проблемы, я о них не знаю.

Большой Боб вытащил потертые карманные часы на серебряной цепочке и взглянул на стрелки.

– Не возражаете, если мы пойдем дальше? Нехорошо задерживать представление, особенно владельцу цирка.

Мы тронулись в путь, на этот раз по «Петле», чтобы избежать толпы.

– Итак, Боб, – сказала я, – по какой причине ты не упомянул, что Руби из Стоппарда?

Он покосился на меня.

– Не считая сотни других проблем, которые вертятся у меня в голове? Да нет никакой причины. Прости, забыл.

– Просто мы познакомились с шефом Уиддлом, и он огорошил нас этим фактом.

Он поморщился и фыркнул.

– Этот буйвол? Он уже готовит веревку для виселицы, – сказал Боб.

Мы посторонились, пропуская трио клоунов. Они тащили охапку огромных надувных мечей и такую же гигантскую надувную дубинку. Клоун, шедший последним, ухмыльнулся мне нарисованными губами. Я вернула ему улыбку и сделала мысленную пометку разыскать его позже.

Поли Пальяно был еще одним старожилом цирка. Даже если ему нечего сказать о нашем деле, он числился в списке моих любимчиков, и я была не прочь поболтать с ним о войне.

– В общем, да. Руби выросла в этих краях, – продолжил Боб. – Вот почему мы так дешево получили это место после провала в Ричмонде. Это земля ее семьи. А рядом – поле ее дяди. Вон за теми деревьями.

Обзору мешали половина цирка и высокий забор, так что я поверила ему на слово.

– Кстати, именно там я и устроил вас двоих на ночлег. Здесь нет ни одной приличной гостиницы, а у меня нет лишнего трейлера. Раньше дом принадлежал родителям Руби, но они давно умерли. Автокатастрофа. Ее дядя – отличный парень. Иногда любит побуяннить, но ничего такого.

Мисс П. начала отставать, и я положила руку Бобу на плечо, чтобы он слегка притормозил.

– Простите, – сказал он. – Полжизни этим занимаюсь и все еще волнуюсь перед представлением.

– Так значит, именно из-за мисс Доннер цирк и остановился в Стоппарде, – сказала мисс Пентикост, когда догнала нас.

– Можно и так сказать. Но она всячески упиралась, когда я это предложил. Она никогда не приезжала домой, даже на похороны родителей. У нее не было ни малейшего желания возвращаться. Но после провала в Ричмонде деваться было некуда.

Мы подошли к заднему входу в большой шатер. Перед началом представления там собралась толпа акробатов, клоунов и прочая фауна. Некоторые узнали меня и кивнули или помахали рукой.

– Похороны завтра утром, – сказал Большой Боб. – Ее похоронят у дома, рядом с родными. Я все организовал. Ее дядя, похоже, не в состоянии.

У меня заныло сердце.

К похоронам я относилась примерно так же, как к узким юбкам: это были редкие и неприятные события, необходимые по работе. В большинстве случаев я не знала покойного и могла понаблюдать за подозреваемыми. Но не в этот раз.

– Ладно, мне пора заняться своим делом, – сказал Большой Боб. – Вы можете посмотреть.

Он вытащил из кармана две красные карточки с логотипом цирка Харта и Хэлловея на обеих сторонах.

– Покажите это любому билетеру, и вас пустят бесплатно, – объяснил он. – С закусками аналогично. Все за наш счет. Я буду занят до конца шоу. Если вам что-нибудь понадобится, найдите Сэма Ли. Он участвует в некоторых номерах, так что вы его увидите. А теперь, если у вас нет ничего срочного, мне пора очаровывать публику.

Он шагнул к откинутому пологу, но мисс Пентикост подняла трость, чтобы преградить ему путь.

– И кое-что еще, Роберт, – сказала она. – Почему шеф Уиддл так уверен, что преступление совершил мистер Калищенко? По телефону вы говорили довольно туманно. А шеф полиции явно уверен в своих словах.

Большой Боб опустил взгляд на лакированные ботинки, пиная кочку. Когда он снова поднял голову, то посмотрел на мисс Пентикост, но не на меня.

– Он... В общем, в то утро Вэл и Руби поругались. Судя по тому, что я слышал, это была неприятная стычка. А потом он напился. И ночью был в стельку. Говорит, что отключился и ничего не помнит.

Ничего хорошего. Особенно когда речь идет о расследовании убийства и тебя спрашивают, где ты был.

– Может быть, Руби хотела поговорить с вами об этом? – предположила мисс Пентикост. – Пожаловаться на мистера Калищенко?

– Не думаю. Она заранее знала, что я отвечу. Я бы сказал, что ей следует разобраться с этим самой.

Большой Боб переминался с ноги на ногу, всем телом устремляясь к шатру, словно школьник, который ожидает звонка с урока и надеется, что учитель не успеет задать ему вопрос.

– Но это ведь не все, так? – спросила я.

Боб снял цилиндр и осмотрел подкладку. Быть может, в надежде, что там написан ответ получше, чем тот, который он собирался произнести.

– Да, не все, – сказал он. – Есть свидетель, который видел его рядом с Руби прямо перед убийством. А когда его спросили, убил ли он ее, он ответил, цитирую: «Может быть».

Он перевел взгляд на меня.

– Сожалею, Уилл.

– Не о чем сожалеть, – ответила я. – Не меня же обвиняют в убийстве.

– Конечно. Но все же...

Ему не нужно было заканчивать фразу. Дело плохо. Это крепкий набор косвенных улик. В сущности, если мой босс не сотворит чудо, цирковая карьера Вэла закончится резко и навсегда.

Глава 6

Мы оставили Боба готовиться к шоу и пошли к главному входу в шатер, от которого до сих пор тянулась очередь. Я посмотрела на часы и увидела, что часовая стрелка подбирается к двум.

– Времени мало, – сказала я, думая о том, что прием посетителей в тюрьме заканчивается в пять. – На представление можем зайти и попозже.

Мисс Пентикост осмотрела цирк, провожая глазами толпу, которая разделялась на группки и пары по пути к играм и аттракционам, колесу обозрения или главному шатру.

– «Аллея диковин» уже открылась? – наконец спросила она.

– Наверное. Но мы можем зайти туда позже. Нужно поговорить с Вэлом. Уиддл явно из тех, кто пунктуально соблюдает расписание.

– Мне хотелось бы взглянуть на «Аллею диковин», – безмятежно сказала мисс Пентикост, вливаясь в поток людей, направлявшихся в ту сторону.

Я выключила тикающие в голове часы и последовала за ней.

«Аллея диковин» была отрезана от остальной территории высокой деревянной изгородью, украшенной афишами. Они рассказывали зрителям о том, что их ждет внутри: «Мальчик-аллигатор», «Змеи с Востока» и «Всевидящая мадам Фортуна».

Такие же афиши висели снаружи внешнего забора цирка, чтобы проходящий мимо народ понял, чего лишается.

Афиша с «Удивительной Татуированной Женщиной» еще висела:

Узнайте секреты, запечатленные на ее коже

Раскрашенный брезент пересекала черная лента, а на земле лежали букеты цветов.

По центру полосу афиш разделяла деревянная арка, миниатюрная копия главного входа. На этой арке были изображены символы карт Таро, извивающиеся змеи и обнаженные человеческие тела в таких позах, что глаза лезли на лоб. На вершине арки светились буквы: «Готовы войти в потусторонний мир, смельчаки?»

Узнать, что предлагает «Аллея диковин», можно было только одним способом: бросить двадцать пять центов зазывале перед входом – тощему как скелет парню примерно моего возраста, в потрепанном котелке и с клочковатой бородкой. Его рот не закрывался ни на секунду.

– Подходите, подходите! – выкрикивал он. – Всего двадцать пять центов, один четвертак! По цене горсти леденцов вы можете изменить свою жизнь! Да-да, именно так! То, что вы увидите там, заставит вас поверить в чудеса, проклятия, ангелов и демонов и все остальное. Парни, соберитесь с духом. Дамы, держитесь крепче за своих кавалеров.

Как всегда, один из артистов «Аллеи» стоял рядом с зазывалой в качестве наживки и показывал зрителям, что они увидят внутри. В мое время приманкой обычно служила Руби. В ней не было ничего, способного отпугнуть брезгливых, и все мужчины в толпе решали, что раз она – всего лишь приманка, то внутри ждет нечто потрясающее.

В этот день к зазывале присоединилась Резиновая Девушка, которую свои знали под именем Фрида. Она была в плотно облегающем фигуру ярко-синем трико. Белокурые локоны, которые раньше доходили ей до плеч, теперь были обрезаны совсем коротко, что придавало ей экзотический, почти андрогинный вид.

Она демонстрировала прохожим способности своих двойных суставов. Вообще-то, как она однажды объяснила мне, двойных суставов не бывает. Она просто очень-очень гибкая, и если я буду долго тренироваться, то смогу повторить ее движения.

Я до сих пор не знаю, говорила она правду или флиртвала.

Когда мы подошли ближе, Фрида улыбнулась и помахала мне за спиной.

– Привет, Уилл. Наслышана о твоём приезде.

– Привет, Фрида. Мне нравится твоя стрижка.

– Ага. Они мешались, когда я сворачивалась в крендель, – сказала она, проводя рукой по волосам.

Другую руку она завела за спину и вокруг головы, словно обернула шарф вокруг плеч. Это вызвало хор восклицаний у публики, а кто-то слабонервный даже взвизгнул.

– Павильон Руби на прежнем месте? – спросила я.

Фрида перестала улыбаться и кивнула.

– Да. На обычном месте, ближе к концу.

Я не хотела пользоваться бесплатными билетами на глазах у публики. Лучше не создавать у посторонних впечатление, что они могут пройти задаром. Я сунула зазывале пару четвертаков. Он снял котелок и опустил монеты в ящик на замке, прикрепленный к столбу.

Иногда какому-нибудь гению приходит в голову мысль вырвать столб и сбежать. Но он очень быстро узнает, что столб вкопан на шесть футов теми же рабочими, которые устанавливают шатер. Смотреть на эти потуги смешно. А еще смешнее, когда те же рабочие ставят новый рекорд дальности, вышвыривая придурка за ворота.

– Смотрите! – объявил зазывала проходящим мимо. – Вот две смелые леди, желающие расширить горизонты познания. Вперед, красавицы. Откройте другой мир, который лежит совсем рядом с нашим!

Для новичка он был очень красноречив. Со временем он отбросит цветистые выражения и остановится на простых истинах: платите денежки – и вы испугаетесь, испытаете отвращение или вожделение. А может, и все это одновременно.

– Я увижу тебя на вечернем представлении? – полушепотом спросила Фрида, когда мы проходили мимо.

– Вряд ли, – шепнула я в ответ.

– Обязательно приходи, – сказала она, завела руку за спину и сжала мое плечо. – У меня новый номер, тебе понравится.

– Тогда я подумаю.

Мы с мисс Пентикост прошли под аркой и оказались в узком проходе между деревянным забором и разного рода павильонами и стендами.

– Ваша подруга? – спросила мисс П., бросив взгляд назад.

– Фрида? Ну да. Мы дружили.

Она подняла бровь.

– Ну ладно, иногда не просто дружили, – признала я. – Но ничего серьезного.

– Вы упоминали отношения с Человеком-змеей, но у меня создалось впечатление, что это мужчина.

– Это был другой Человек-змея.

В этот раз она подняла обе брови.

– Не смотрите на меня так, – сказала я. – Я была очень молода и... молода. Так, вы ведь вроде хотели увидеть «Аллею диковин». Вот она.

Я быстро зашагала вперед, подальше от мисс Пентикост и ее бестактных вопросов о моей бесшабашной юности.

Павильоны по обеим сторонам «Аллеи» располагались в шахматном порядке, чтобы артисты не конкурировали друг с другом и получали одинаковое внимание публики.

Я помахала рукой, приветствуя Мальчика-аллигатора (настоящее имя Мануэль), чья кожа нуждалась лишь в легком гриме для сходства с рептилией. Кивнула Человеку-болту, который засунул в ноздрю трехдюймовый гвоздь, отчего стоящих перед ним двух девушек стошнило. И заглянула к самой маленькой в мире лошади (миниатюрная чубарая пони по кличке Джинглз), которая ткнула мордой мне в ладонь.

На полпути, там, где дорожка сворачивала под прямым углом, стенды уступили место трейлеру. Это был переделанный железнодорожный вагон раз в десять больше жилища Большого Боба. И это не считая пристройки – хижины на крыше вагона. Судя по крохотному оконцу с одной стороны, лачугу использовали не только как склад.

Вывеска на двери провозглашала: «Дом ядовитых гадов», причем каждая буква была извивающейся змеей или свернувшимся пауком.

Я подождала мисс Пентикост.

– Входите, – сказала я. – Вы должны познакомиться с Рэем.

Внутри было сумрачно и градусов на десять теплее, чем в августовский день снаружи. В комнату были втиснуты три ряда стеклянных ящиков, образуя проход в форме буквы U, чтобы посетители могли осмотреть экспонаты и выйти там же, где и вошли. Ящики стояли на задрапированных тканью постаментах прямо на высоте глаз. На каждом ящике была табличка ярко-красного цвета пожарной машины, предупреждающая посетителей: «Не открывайте крышку для вашей же безопасности!»

Хотя на самом деле скорее крышки оберегали обитателей ящиков от любопытных посетителей, чем наоборот.

В комнате почти никого не было, не считая высокого худого мужчины в дальнем конце и держащейся за руки парочки в середине прохода. Каждые три шага женщина приглушенно взвизгивала и прижималась к мужчине. Судя по слегка потертым обручальным кольцам, они были женаты, но то, как женщина использовала любую возможность коснуться своего спутника, заставило меня подозревать, что женаты они были не друг на друге.

Цирк не впервые служил местом для свидания тайных любовников. Здесь много уютных уголков и легко затеряться в толпе. Впрочем, возможно, я видела порок там, где его нет. Этим опасна профессия детектива.

Мы рассматривали шипящих тараканов и скорпионов. Королевская кобра встала на хвост, чтобы поздороваться, ее голова почти касалась крышки. Гремучая змея выглядела впечатляюще, но явно слишком устала, чтобы трясти хвостом. С одного ящика в конце трейлера была снята крышка, и худощавый мужчина склонился над ним, копошась внутри.

Он напоминал неуместного здесь библиотекаря: лет пятьдесят на вид, с угловатыми руками и ногами, которые выглядели так, будто могут отвалиться, если хорошенько его потрясти. За бифокальными очками скрывались водянистые голубые глаза, голова у него была узкая, почти лысая. Он был одет в белую рубашку, черный жилет и галстук-шнурок.

Я заглянула ему через плечо. Его рукава были закатаны до локтей, и с полдюжины тарантулов ползли вверх по его запястьям.

– Привет, дружище, – сказала я. – Ты что, не читал объявление? Эти твари опасны.

Он вздрогнул, и один тарантул свалился с его руки обратно в ящик. Рэю понадобилось целых две секунды, чтобы узнать меня.

– Уилл! – воскликнул он. – Боб говорил, что ты приедешь. Я едва тебя узнал. Бог ты мой! Ты выглядишь... э-э-э...

Он пытался найти слово, которое не создаст проблем.

– Знаю-знаю, я стала чистюлей, – сказала я, высвобождая его из этой ловушки. – Мисс Лилиан Пентикост, познакомьтесь с Рэем Нансом – заклинателем змей, дрессировщиком пауков и одним из старейших членов труппы цирка Харта и Хэлловея.

– Я бы пожал вам руку, но...

Он опустил взгляд на ползающих по его рукам пауков.

– Понимаю, – сказала я. – Мы не станем отвлекать тебя от твоих питомцев.

Он улыбнулся.

– Мои питомцы – какое чудесное слово. Именно так я о них и думаю. Уилл, милая, ты не могла бы сунуть руку в левый карман моей жилетки и покормить паука на моем предплечье? Я бы и сам это сделал, но не хочу сбрасывать остальных.

Я достала из его кармана сверчка, еще живого и стрекочущего. Протянула его мохнатому пауку, который карабкался по руке Рэя. Паук остановился перед сверчком, напрягся и вонзил в насекомое жвалы. Сверчок тут же замер, и паук потащил его по руке Рэя вниз.

– Я думала, что тарантулы не живут группами, – заметила мой босс. – Потому что поедают друг друга.

– Ах, так вы знакомы с паукообразными! – Рэй чуть ли не завизжал. – В большинстве случаев это так. Но если вы внимательно присмотритесь к этому пауку у моего локтя... Видите едва заметные красноватые пятна на его лапах?

– Да.

– Именно из-за этой окраски розовый тарантул и получил свое название, – объяснил Рэй. – Этот вид более мирный. Если хорошо кормить их.

– Вы всех своих пауков кормите с рук? – поинтересовалась мисс Пентикост.

– Нет. Увы, на это просто нет времени, – сказал Рэй, осторожно смахивая пушистых пауков со своих рук обратно в террариум, к их товарищам. – Но мне нравится иногда уделять им немного больше внимания.

Он наклонился, взял банку с живыми сверчками, открыл крышку и высыпал горсть паукам. Сверчки запрыгали во все стороны. Когда-то я помогала Рэю и по опыту знала, что долго они не проживут.

Пауки начали приближаться к добыче. Каждый по отдельности двигался бесшумно, но все вместе они издавали легкий шорох, как сухие листья, шелестящие по тротуару.

– Пауки – очень умные создания, – сказал он, снова накрывая террариум крышкой и закрепляя ее двумя защелками. – Если хорошо с ними обращаться и регулярно кормить, они будут вести себя вполне дружелюбно.

Другими словами, если их разозлить или пропустить кормежку, то они начнут откусывать друг другу головы. В этом они не слишком отличаются от людей, если подумать.

– Дружелюбно или нет, но у меня мурашки по коже, когда я смотрю, как они по тебе ползают, – сказала я, поежившись лишь наполовину наигранно.

– Ведет себя как дурочка, – сказал Рэй мисс Пентикост. – Хотя была одной из лучших моих помощниц. Все мои животные прекрасно с ней ладили.

– Хотя мне нечасто приходилось помогать Рэю. Он практически спит со змеями.

– Теперь и правда сплю с ними, – с улыбкой признал он и указал на люк в потолке. – Я попросил Боба соорудить мне что-то вроде чердака на крыше трейлера. И теперь мне не приходится оставлять моих... как ты там сказала?... моих питомцев в одиночестве на всю ночь.

– Кстати, о змеях, – сказала я. – Сожалею насчет Берты.

Его взгляд затуманился.

– О да. Берга.

Он прошаркал к другому проходу мимо разноцветных древесных змей и двуглавого майского полоза, языки которого трепетали в унисон, к самому большому стеклянному террариуму в трейлере. В нем не было ничего, кроме камней, мха и грязи поверх слоя старых газет. Я удивилась, заметив страницу из «Чикаго трибьюн» недельной давности. Со дна террариума на меня смотрело лицо мисс Пентикост, подпись к фотографии гласила: «Суд над гарлемским поджигателем начнется на следующей неделе, Лилиан Пентикост намерена...» Остальное было закрыто травой и опилками.

– Она была со мной пятнадцать лет. Дольше, чем все остальные.

Под его бифокальными очками блеснула слеза. Он снял очки и вытер их о рубашку.

– Пятнадцать лет – это много для удава? – спросила мисс П.

– Даже не знаю, – ответил Рэй и всхлипнул. – Почтенный возраст. Ей было года два или три, когда она попала ко мне. И все эти переезды. Они не идут на пользу животным. И все-таки... Я мог бы лучше за ней следить. Это моя вина.

– Лучше за ней следить – это значит не позволять мисс Доннер использовать ее в своем номере?

При упоминании Руби Рэй встрепенулся.

– Нет-нет! Я бы никогда... В смысле Берта ладил с Руби. И Руби ее любила. Хорошо с ней обращалась. Ей это было полезно. В смысле Берте. Никто не должен проводить всю жизнь в клетке.

– Мисс Доннер очень расстроилась?

– О да. Ужасно, ужасно расстроилась.

– Ее расстроила только смерть змеи или еще что-то?

– Не понимаю. Что, например?

Мисс Пентикост пожала плечами.

– Что угодно. О чем она сочла бы нужным рассказать мистеру Хэллоуею.

Рэй на секунду задумался, а затем покачал головой.

– Мне ничего об этом не известно. Только Берта. И я не знаю, зачем она решила пойти к Бобу.

– Вы замените Берту?

– Ну, заменить ее невозможно. Змеи обладают такой же индивидуальностью, как и люди, понимаете? Надо только получше узнать их, – сказал Рэй. – Но я переписываюсь с одним человеком из Канзас-Сити, у которого есть на продажу девятифутовый питон. Пытаюсь сбить цену.

Рэй вышел вместе с нами из трейлера и спустился по лестнице.

– Прекрасно выглядишь, Уилл. Похоже, новая профессия тебе подходит.

– Иногда да, иногда нет, – призналась я. – Но я до сих пор скучаю по цирку.

Он бросил на меня взгляд, который я не сумела расшифровать.

– Если тебе не придется торговаться за питона, значит, ты сделала правильный выбор.

Он кивнул моему боссу.

– Приятно было познакомиться с вами, мисс Пентикост.

С этими словами Рэй исчез в своей жаркой сумрачной пещере, наполненной проворными языками и шелестом сухих листьев.

Глава 7

Мы пошли дальше по «Аллее» мимо артистов, которые присоединились к труппе уже после моего ухода. Среди них был индийский факир, который протыкал свою кожу длинными иглами. Я была почти уверена, что он ненастоящий индус, зато иглы у него настоящие. А еще была Электрическая Люси, которая зажигала не включенные в сеть лампочки одним прикосновением. Наверное, ее номер выглядел эффектнее после заката.

Попадались таблички, сообщающие, что тот или иной артист пока отсутствует и вернется через час. Мисс Пентикост спросила, нормально ли, что артисты ходят непонятно где во время представления.

– Многие артисты с «Аллеи диковин» участвуют в главном шоу или выступают с сольными номерами в малом шатре, – объяснила я. – Либо просто ушли перекусить. В любом случае если зрителю очень хочется увидеть именно этого артиста, он вернется позже, а по пути потратит еще немного денег.

Мы быстро прошли по Кунсткамере, тоже переделанной из вагона поезда. Мисс Пентикост добрых пять минут рассматривала двухголового младенца, вычисляя, какая из голов на самом деле соединяется с позвоночником, а какая фальшивая.

– Думаю, обе ненастоящие, – наконец прошептала она, чтобы не испортить удовольствие для горстки других зрителей. – Оба черепа принадлежат детям постарше. И это не случайно: так скелет выглядит более гротескно.

– Ага, в основном это работы Поли. Клоуна. Мы проходили мимо него, когда расспрашивали Боба. Тот, с кислой миной. Помимо прочего, он занимается Кунсткамерой. Дайте ему немного времени, и он смастерит что угодно.

Мисс П. прижалась лицом к стеклянной витрине.

– Да, теперь я вижу. Верхний позвонок – раздвоенный – сделан из гипса. Но работа очень тонкая.

Я посмотрела на часы – часовая стрелка уже была ближе к трем, чем к двум.

– У вас глаз-алмаз. Считайте, что выиграли куклу, – сказала я, настойчиво тесня ее к выходу.

Ближе к концу «Аллеи диковин» мы оказались у стенда Руби. Рядом на подставке стояла фотография в рамке, украшенная цветами. На фото Руби была в откровенном раздельном купальнике, выставляя напоказ девять десятых своих татуировок. На лице застыла не то улыбка, не то ухмылка, которая как будто давала зрителям понять, что они могут испытать удачу, хотя их шансы невелики.

При виде этой фотографии у меня защемило в груди, и я отвернулась.

Напротив стенда Руби была последняя остановка, перед тем как «Аллея диковин» выплевывала своих пассажиров обратно на основную территорию. Это была крохотная палатка, выкрашенная во все цвета радуги, вход в нее закрывала штора из бус. Табличка над входом гласила: «Мадам Фортуна знает ваше будущее!» Рядом с бусами на гвозде висела табличка поменьше с надписью «Добро пожаловать», которая означала, что гадалка внутри и у нее нет клиента.

Время уже поджимало, но я не могла уйти с «Аллеи диковин», не заглянув к мадам Фортуне.

– Входите, – сказала я моему боссу. – Вы должны познакомиться еще кое с кем, раз уж мы здесь. Это займет пару секунд, а потом поедем в тюрьму.

Я раздвинула нитки бус и вошла во владения мадам Фортуны. Когда мы с мисс Пентикост посещали гадалку в последний раз, все прошло не очень гладко. Но я решила, что вряд ли мисс П. будет иметь что-то против мадам Фортуны.

Пол был застелен толстыми псевдоперсидскими коврами, уложенными прямо на голую землю. Полотняные стены палатки были достаточно тонкими, чтобы солнечный свет просачивался внутрь радужными полосами. Внутри места было ровно на круглый стол, задрапированный темно-синим бархатом, и три стула. Тот, что стоял напротив двери, был занят.

Я окинула взглядом пышную прическу из крашенных медно-рыжих волос со вплетенными в них крошечными колокольчиками, красный шелковый халат, тонкие руки, раскинутые по бархату. Я заметила, что артрит начал искривлять ее длинные, унизанные кольцами пальцы.

– Входите, входите. Здесь рады всем, – произнесла женщина, округляя гласные с деланным европейским акцентом, который можно услышать только в кино. Она смотрела на нас сквозь очки с такими толстыми стеклами, что они напоминали два хрустальных шара. Я точно знала, что это обычное стекло, единственное предназначение очков – сделать так, чтобы карие глаза мадам Фортуна выглядели всевидящими.

– Входите, дамы. Оставьте настоящее за дверью и присядьте, давайте поговорим о вашем будущем. Найдете ли вы настоящую любовь? Настоящую удачу? Настоящее счастье? Входите же. Садитесь.

Я плюхнулась на шаткий стул перед ней, и он чуть не опрокинулся набок.

– Не знаю насчет счастья или удачи, – сказала я. – Но мне хотелось бы найти приличный нью-йоркский бейгл. Что скажешь, Мейв? Такие делают в сельской глубинке?

Никакого удивленного взгляда со стороны мадам Фортуны. Она умела сохранять хладнокровие. Но заговорила уже без фальшивого акцента, освободив свою внутреннюю жительницу Нью-Йорка.

– Черт возьми, Уилл! Я же просила тебя не произносить это имя в рабочее время. Полог не звуконепроницаемый, знаешь ли. Господи Иисусе, отлучилась на минутку – и позабыла все, чему я тебя учила!

Она жестом предложила мисс Пентикост занять свободный стул, и та аккуратно села, чтобы не завалиться, как я. Трость она положила на колени.

– Лилиан Пентикост, познакомьтесь с Мейв Бейли, более известной как мадам Фортуна.

– Приятно познакомиться, – сказала Мейв, снова надевая фальшивый акцент, как любимое пальто.

– Мне тоже, – откликнулась мисс Пентикост. – Много о вас слышала.

– Надеюсь, только хорошее.

– Да, хорошее. В особенности Уилл хвалила вашу наблюдательность.

Мейв кивнула. Она всегда быстро соображала.

– Если у вас есть вопросы о том, что случилось с Руби, задавайте. Хотя вряд ли я буду очень полезна.

– Вы были здесь в вечер гибели мисс Доннер? – спросила мисс П.

– Да. На этом самом месте.

Мисс Пентикост обернулась и выглянула за шторку.

– Прямого обзора на ее стенд отсюда нет, но кое-что можно увидеть.

Мейв кивнула.

– Если она наклонялась, то могла помахать мне.

– Вы заметили в тот вечер что-нибудь необычное? В смысле необычное для этого места?

Мейв на секунду задумалась, а потом покачала головой.

– Совершенно обычный вечер, – сказала она. – Это был день открытия, а он всегда идет не очень гладко, хотя трупша изо всех сил старается крепко все прибить и смазать всю машинерию.

– Не случилось ничего примечательного? – снова спросила мисс Пентикост. – Ничего, что могло бы объяснить поведение мисс Доннер в тот вечер?

– Ее поведение?

– Она прервала выступление, чтобы поговорить о чем-то с мистером Хэлловеем. И предпочла идти по «Петле» вместо прямого маршрута.

– Если что и случилось, то мне она ничего об этом не сказала, – ответила Мейв. – Но во время работы мы не болтаем. Если публика увидит, как артисты общаются друг с другом, это уничтожит всю ауру таинственности.

Мисс Пентикост сформулировала следующий вопрос, когда Мейв подняла унизанную кольцами руку.

– Подождите, – сказала она. – Я кое-что вспомнила. А может, это и ерунда. Пятьдесят на пятьдесят.

– Расскажите, – попросила мисс Пентикост.

Мейв закрыла глаза и запрокинула голову назад – в этой же позе она обычно «всматривалась в темные глубины мира духов». Когда она заговорила, акцент снова исчез.

– У меня в кресле сидела клиентка. Домохозяйка тридцати с чем-то лет. Сдержанная, но слегка навеселе, так что она готова была раскошелиться. Ее муж погиб за границей. Она пришла с просьбой связаться с ним, хотела удостовериться, что он не страдает. Но на самом деле она хотела получить его разрешение начать роман с соседом. Или продолжить его. Судя по тому, как она ходила вокруг да около, они наверняка уже валялись на простынях, если не под ними.

Мейв выпрямилась и открыла глаза.

– Когда вдова села на стул, Руби разговаривала с кем-то у своего стенда. Говорила несколько минут – я помню, как во второй раз подняла голову, а Руби еще разговаривала.

– Это необычно? – уточнила мисс П.

– Не то чтобы необычно. Мужчины любили задержаться там. Особенно если с ними не было женщины, которая могла бы потащить их дальше.

– Тогда почему вы обратили на это внимание в тот вечер?

Мейв задумалась.

– Из-за того, как она говорила. Словно торопилась, – сказала она. – Тогда я не обратила на это внимания. Я была занята веселой вдовой. Но у меня возникло чувство, что Руби пытается его спровадить.

– Посетитель, который ей досаждал? – предположила я.

– Если бы дело было только в этом, она могла бы позвонить в колокольчик.

– Колокольчик? – спросила мисс Пентикост.

– В каждом павильоне есть колокольчик, – объяснила я. – Если что-то идет не так, артист звонит в колокольчик. Если позвонить один раз, то придет зазывала и поможет спровадить назойливого посетителя. А если звонить долго, то сбегутся все. Обычно так делают, только когда доходит до рукоприкладства.

– В котором часу это было? – спросила мисс П.

– Почти под конец, – ответила Мейв. – В половине одиннадцатого или около того.

– Как выглядел тот человек?

– В том-то и дело. Я его не видела. Даже мельком. И почти не видела Руби. В основном просто слышала ее голос.

– А голос ее собеседника?

Мейв покачала головой, и вплетенные в ее крашеный черный шиньон колокольчики зазвенели.

– Мне жаль. Но кто-то там был. Он пробыл там необычно долго. И, думаю, против желания Руби.

Мисс П. склонила голову набок.

– Вы считаете, что это был мужчина?

Мейв задумалась.

– Да, – ответила она. – Думаю, да.

– Почему?

– Я видела Руби не целиком. Но она задрала голову. Как будто разговаривает с кем-то высоким, – объяснила она. – А еще я думаю, что это был мужчина, потому что я не слышала его голос. Женские голоса более высокие. Их лучше слышно сквозь шум. Хотя это могла быть и женщина, которая тихо говорила и была на высоких каблуках. Вот и все, что я могу сказать.

Я решила избавить мисс Пентикост от необходимости задать очевидный вопрос.

– Это мог быть Вэл?

Когда она снова покачала головой, даже звон колокольчиков прозвучал печально.

– Прости, милая. Я не знаю.

– Ты рассказала полиции о загадочном мужчине? – спросила я.

– Пф-ф, да они со мной и не говорили. А я и не вспоминала о нем до этой минуты.

Значит, шеф Уиддл не поговорил с единственным человеком, который во вторник находился в пределах слышимости Руби. Это подтверждало мои догадки, что игра велась нечестно.

Итак, загадочный мужчина, который долго разговаривал с Руби менее чем за полчаса до убийства. Может быть, кто-то, кто затаил обиду на Руби когда-то в прошлом. Или незнакомец, который подкатил к ней и не смог переварить ответ «Отвали».

– Вы знаете, из-за чего в тот день спорили мисс Доннер и мистер Калищенко? – спросила мисс П.

Я подумала, что это пустая трата времени. Руби и Вэл постоянно ссорились, и если мы хотим узнать подробности, то можно спросить Вэла. Я обеспокоенно взглянула на часы. И уже собиралась напомнить моему боссу, что время идет и нам пора в тюрьму, когда Мейв соврала.

– Простите, понятия не имею, – сказала она. – Они постоянно ссорились. Я уже давно перестала обращать на это внимание. Вероятно, опять что-то типа спора между опытным артистом и выставяющей себя напоказ диковиной. Они вцеплялись друг другу в глотки как минимум раз в месяц.

Мейв зарабатывает на жизнь враньем, так что я поймала ее на лжи лишь чудом. Единственное, что указывало на это, – ее привычка смотреть поверх очков, а не через них, когда она начинала врать, хотя это практически невозможно было заметить.

А значит, Мейв не только знала причину ссоры, но и не хотела об этом говорить. Я сделала мысленную пометку: нужно будет припереть ее к стенке и проверить, не окажется ли она более разговорчивой, когда рядом не будет мисс Пентикост.

Я тут же взглянула на моего босса, чтобы понять, заметила ли она ложь. Если и заметила, то не подала вида.

Она поставила трость на ковер и встала.

– Приятно было побеседовать с вами, – сказала она.

Мейв тоже встала и обошла стол, чтобы пожать ей руку.

– Мне тоже.

Она сжала мое плечо, словно проверяя, достаточно ли наваристое жаркое из меня получится.

– Рада была видеть тебя, девочка моя. Надеюсь, вы вдвоем распутаете этот узел.

Проходя через занавеску-бусы, я гадала, не были ли и последние ее слова ложью.

Глава 8

После радужного мира Мейв обычное августовское солнце показалось разочаровывающе бесцветным.

Как только мы отошли достаточно далеко, я выложила мисс Пентикост свои подозрения, что гадалка что-то от нас утаила.

– Нужно будет еще раз с ней поговорить. Может, после того, как мы лучше поймем, о чем именно она умалчивает, – ответила мисс П.

Я согласилась. Мейв очень проницательна. Мне не хотелось обвинять ее во вранье, не имея на руках козырей.

Мы прошли последние десять футов «Аллеи диковин» – здесь проход сужался в бутылочное горлышко, увешанное рекламой главного представления. Я откинула плакат с летающими акробатами Сабатини и показала моему боссу проход в «Петлю».

– Этот путь огибает всю территорию цирка? – спросила она.

– Не всю, – сказала я. – Он начинается здесь и ведет вокруг большого шатра, а потом сворачивает к малому и заканчивается между лотками с закусками и трейлерами труппы. Скажем, у Мануэля сольный номер в малом шатре или он собирается перекусить, но не хочет, чтобы по пути его двадцать раз остановили люди, желающие поглазеть на Мальчика-аллигатора. Тогда он может пройти «Петлей».

– Насколько вероятно, что кто-нибудь посторонний узнает про этот путь? – спросила она.

– В идеальном мире – маловероятно. Но в реальном мире артисты входят и выходят здесь постоянно. Не так уж и сложно заметить это. И почти все входы в «Петлю» похожи на этот. Войти может любой. Если кто-нибудь следил за Руби, он мог пойти за ней по «Петле».

Договаривать я не стала.

Мы прошли «Аллею диковин» до конца и снова оказались на общей территории цирка. Людей стало больше, поэтому я потащила мисс Пентикост к укромному уголку у тележки с попкорном.

– Я могу сбежать к грузовику и прогреть мотор. Чтобы он не заглох, – предложила я. – Если нигде не встрянем, у нас будет полчаса на разговор с Вэлом.

Мисс П. раздражающе долго изучала этот уголок цирка.

– Где находится трейлер мисс Доннер? – спросила она.

– Босс, у нас нет времени, чтобы как следует его осмотреть и успеть в тюрьму в часы приема посетителей.

Она взглянула на меня, и я наконец поняла.

– Вы не собираетесь разговаривать с Калищенко сегодня, – сказала я, и это прозвучало скорее как обвинение, чем как вопрос.

– Мы увидимся с мистером Калищенко завтра, как только начнутся приемные часы.

– Если вы хотите разобраться, что случилось в ночь убийства, разговор с Вэлом должен быть первым в списке приоритетов.

Я пыталась говорить спокойно, но безуспешно.

– Он определенно не в самом низу списка, – парировала мисс Пентикост. – Но, как нам сказали, мистер Калищенко ничего не помнит о событиях, приведших к смерти мисс Доннер. Значит, в качестве свидетеля он не очень полезен. А я пока хотела бы увидеть, где жила жертва.

– После убийства прошло три дня. Если в ее трейлере есть что-то интересное, оно никуда не денется ни завтра, ни послезавтра.

Она посмотрела на меня сверху вниз, ее родной глаз был таким же холодным, как стеклянный. Я пыталась выдержать ее взгляд, но сдалась. Только выругалась. Проходившая мимо женщина с двумя маленькими детьми покосилась на меня и поспешила прочь.

Мисс Пентикост глубоко вздохнула, и ее лицо приняло выражение, которое она обычно приберегала для нашего общего друга лейтенанта Лейзенби, когда он проявлял чудеса бестолковости.

– Чем больше я узнаю о жертве, тем более полезным будет разговор с мистером Калищенко, – объяснила она. – Пока что я недостаточно хорошо знаю мисс Доннер, чтобы задать ему правильные вопросы.

– Но я ее знаю, – возразила я, и в мой тон закрались ненавистные мне умоляющие нотки. – То есть знала. И я знаю его, и...

Я осеклась, пока не зашла слишком далеко.

Конечно, нам нужно больше узнать о Руби. Черт, да нам нужно больше узнать обо всем и обо всех. Если вам было интересно, в чем заключается метод Лилиан Пентикост, то именно в этом. Пойми жертву, и ты поймешь ее действия. И тогда, возможно, увидишь, где она перешла дорогу убийце.

Это кажется очевидным, но во время обычного расследования убийства – если вообще можно назвать такое занятие обычным – про жертву, как правило, забывают в суете. Все вертится только вокруг убийцы: отпечатки ботинок, угол проникновения орудия убийства, методы и мотивы. Когда наконец появляется подозреваемый, жертва нужна только для того, чтобы подкрепить историю убийцы.

А если убита женщина, в половине случаев на нее навешивают ярлык случайной трагической жертвы. В другой половине случаев она «сама напросилась». Угадайте с трех раз, к какой половине причислят Руби.

– Если вы хотите лично посетить мистера Калищенко, то вольны сделать это самостоятельно, – сказала мисс Пентикост. – Можете взять грузовик, а я найду Сэма Ли и попрошу его проводить меня к трейлеру Руби.

Я уже собиралась принять ее предложение, но тут посмотрела на нее внимательно. Она тяжело опиралась на трость. Из замысловатой прически выбилось несколько рыжих прядей. Костюм помялся и обвис – это для меня сигнал, что его владелица истощена до предела.

Еще бы. Мы с самой зари были на ногах, пересекли четыре штата и миновали столицу, целый день провели в цирке, и все это после долгой недели подготовки к суду.

Ко всему прочему, рассеянный склероз мисс Пентикост и августовская жара были плохо совместимы. Хотя сама мисс П. предпочитала лето зиме, от долгого пребывания на солнце ее самочувствие обычно ухудшалось.

Пока что этого не произошло, но она была на грани.

Теперь, увидев, как она истощена, я уже не могла выбросить это из головы. Я не хотела оставлять Вэла в одиночестве камеры еще на один день, но не могла бросить мисс П. посреди расследования. Тем более ее бак для горючего почти пуст.

Я вдруг поняла, что мои руки сжаты в кулаки. Усилием воли я расслабила пальцы. Ногти оставили в ладони следы-полумесяцы.

– Ладно, – сказала я. – Давайте взглянем на берлогу Руби. Может, нам повезет и мы найдем там дневник с записью «Кто мог бы меня убить».

Спросив дорогу у кого-то из рабочих цирка, мы направились к трейлеру Руби. Он находился недалеко от трейлера Большого Боба и совсем рядом с передвижной душевой, явно из армейских запасов. Я машинально задумалась, есть ли в новой душевой горячая вода, которой не было в мое время.

Трейлер щеголял новым сверкающим замком на двери, скорее всего любезно предоставленным полицией Стоппарда. Я никогда не была бойскаутом, но предпочитала быть готовой ко всему. Я вытащила пару отмычек и быстро справилась с замком. Мы вошли внутрь и закрыли за собой дверь.

Трейлер Руби был в полтора раза больше, чем у Большого Боба. И поскольку она была полноправным членом труппы, то жила здесь в гордом одиночестве. Тут имелись складная кровать, складной стол, шкаф с выдвижными ящиками и вешалка для костюмов, которые Руби не хотела помять.

Было очевидно, что трейлер обыскивали. Повсюду была разбросана одежда. Постель скомкана в углу. Все, что не приколочено, висело криво.

Мы полчаса обыскивали крохотный трейлер. Теперь я никуда не спешила и работала на совесть. Но мы не нашли и намека на подсказку. В сущности, здесь мало что раскрывало личность Руби, не считая нескольких триллеров в мягких обложках и пары киножурналов.

А должно было быть больше.

Я знала это наверняка, потому что много раз бывала в трейлере Руби. Первый раз был самым запоминающимся, хотя мне не хотелось заострять на нем внимание, поскольку тогда я продемонстрировала свою задницу в самых разных ракурсах.

Я была совсем юна и неопытна. Всего несколько месяцев проработала в цирке и нетвердо стояла на ногах. И все еще привыкала находиться среди людей, которые по-настоящему заботятся обо мне. Вокруг которых не нужно ходить на цыпочках, боясь получить оплеуху. Руби была внимательна ко мне, задавала вопросы, улыбалась, и я прочла в ее взгляде больше, чем она в него вкладывала. А еще она была такая красивая и неординарная – по крайней мере, по моим тогдашним меркам – и зрелая, что скорее привлекала, а не пугала.

Это было задолго до того, как я познакомилась с теми акробатами, так что в основном мой сексуальный опыт на практике ограничивался тем, что я позволила Бобби Ньюберри засунуть руку мне под рубашку, когда мы стояли за коровником его отца. Большую часть своих знаний я почерпнула из глянцевого журналов, которые нашла, когда гостила у тети, хозяйки придорожной закусочной. Даже в подростковом возрасте я ставила под сомнение правдивость историй в этих журналах.

Так что мной руководили одни гормоны, когда однажды вечером после окончания шоу я пробралась в трейлер Руби, разложила ее кровать и забралась под одеяло, чтобы удивить ее.

О да, она удивилась.

После того как я, запинаясь, произнесла заготовленную речь, Руби спокойно и сочувственно объяснила, что, хотя ей очень льстит мое внимание, она не увлекается девушками. А если бы и увлекалась, то, наученная жизнью, не стала бы спать с коллегой.

Она помогла мне прийти в себя и не отпускала, пока я не перестала рыдать. Затем проводила обратно к трейлеру, который я делила с танцовщицей.

Я не горжусь этим эпизодом. Но прекрасно помню, что, лежа на кровати Руби и дрожа от волнения, я видела гораздо больше личных вещей, разбросанных там и сям.

Возможно, трейлер опустошили копы, но я в этом сомневалась. Если они уже забрали Вэла, не было причин копаться в пожитках Руби. А если бы кто-нибудь собирал ее вещи, чтобы отдать родственникам, то взял бы все, включая одежду.

Кто-то устроил зачистку, и, кажется, я знала, кто именно.

Глава 9

От трейлера Руби мы отправились к главному входу. Уже перевалило за четыре часа, и люди после работы заходили в цирк посмотреть представление.

Я пошла к грузовику, скрестив пальцы в надежде, что парковщик выполнил свою работу и наш багаж остался нетронутым. Я была так обеспокоена, что чуть не столкнулась с женщиной с брошюрой в руках.

– Есть ли Бог в вашем сердце? – спросила она, сунув сложенный листок прямо мне под нос, будто я должна была понюхать его, а не прочитать.

– Простите, – ответила я. – В моем сердце уже и так многолюдно.

Она быстро заморгала, ее улыбка дрогнула, но не исчезла. Женщине было под сорок, длинные седеющие волосы обрамляли загорелое лицо, которое все равно каким-то образом выглядело бледным. Кто-то испортил ее лицо морщинами и украл губы. На ней было выцветшее платье в цветочек, подол которого купался в пыли.

Если Руби была девушкой из цветного кино, то эта женщина явно принадлежала черно-белому.

Рука с листовкой отодвинулась чуть дальше.

– Вот, – сказала женщина. – Тут указано время службы. Мы рады всем. У Бога есть место для вас, даже если у вас нет места для него.

Я сдалась и взяла листовку. На ней был изображен Иисус в окружении стада ягнят. Над картинкой было написано: «Церковь Крови Агнца».

В сестре Брошюре я узнала особую породу проповедников, которых помнила с детства. Они любили, чтобы их женщины были как коктейли: если уж не совсем невинными, то хотя бы слабыми.

– Вы раздаете здесь брошюры с тех пор, как открылся цирк? – спросила мисс П., удивившись нависнуть над женщиной, хотя была выше ее всего на пару дюймов.

– Ой, э-э-э... да, – пробормотала сестра Брошюра. – В смысле не я лично, но здесь всегда есть кто-нибудь из наших, от открытия до закрытия.

– Вечером вторника кто-нибудь из ваших был здесь?

Теперь я поняла, к чему она клонит.

– Кажется, брат Карл.

– Он пробыл здесь до закрытия? – спросила я.

– Кажется, да.

Женщина встала на цыпочки и крикнула:

– Брат Карл!

Почти в самом конце очереди на вход повернулась голова. Проповедница махнула ему рукой, и мужчина, предположительно брат Карл, двинулся в нашу сторону.

Он шел с уверенностью Христа, идущего к своим апостолам, чтобы сообщить благую весть. Правда, брат Карл был похож не столько на Иисуса, сколько на Иоанна Крестителя, который только что вышел из пустыни и натянул на себя светло-голубой костюм. Ростом выше шести футов, с широкими плечами и грудью бойца. В его темных волосах серебрилась седина, а на подбородке темнела щетина, будто вечерние тени, опустившиеся раньше времени. Солнце отражалось от булавки в его галстучке.

– Да, сестра Эвелин? – сказал он на удивление тихим голосом.

– Эта леди спрашивает, был ли здесь кто-нибудь во вторник вечером. Ты был здесь, верно?

Вместо того чтобы повернуть к моему боссу голову, он развернулся всем телом, как будто у него был всего один шарнир – в талии.

– Я был здесь, миссис...

– Пентикост. Мисс Лилиан Пентикост.

Он явно впервые слышал это имя. Может, церковь Крови Агнца имеет что-то против газет?

– Карл Энгл, – сказал он, протягивая свою лапу. – Пастор церкви Крови Агнца.

Мы обменялись рукопожатиями. И только когда мисс П. сказала ему, что мистер Хэллоуей нанял нас для расследования смерти Руби Доннер, на его лице мелькнуло понимание.

– Берт говорил что-то насчет того, что цирк нанял детектива. Я не думал...

Не знаю, кто такой Берт, но эта фраза определенно должна была закончиться словами «...что детективом будет женщина».

Мисс Пентикост тут же заполнила паузу. Она никогда не упускала возможности задать вопрос.

– И давно вы пастор церкви Крови Агнца?

– В 1921 году я собственноручно построил молитвенный дом, – с гордой улыбкой ответил брат Карл.

– Большой шаг – от рубки деревьев к проповеди, – заметила мисс П. – Почему вы построили церковь здесь, а не поближе к северным лесам?

Карл взглянул на Эвелин, но та лишь пожала плечами и покачала головой.

Она явно не была всеведущей сплетницей.

– Акцент, мистер Энгл, – объяснила мисс Пентикост. – Прошло двадцать пять лет, но эхо штата Мэн до сих пор не затихло. А шрамы на ваших руках говорят о том, что вы часто пользовались ручной пилой. И ваша спина... Обычная рабочая травма лесорубов. От постоянных движений пилой и таскания бревен.

Брат Карл захлопал и просиял.

– Вот это да!

Мисс Пентикост нечасто играла в Шерлока Холмса, но когда это делала, то производила фурор. По ее словам, если свидетели считают детектива всевидящим, то с меньшей вероятностью попытаются солгать ему.

Теперь, когда Карл и Эвелин были под впечатлением, она начала задавать действительно важные вопросы.

– Вы были знакомы с Руби Доннер? – спросила она.

– О да, – ответил пастор. – Ее родители ходили к нам в церковь.

– И Руби тоже?

Пастор и сестра Эвелин переглянулись.

– Мы ее потеряли, – призналась Эвелин. – Еще до отъезда.

– Потеряли?

– Она продала душу дьяволу, – заявила Эвелин так, будто это было очевидно.

В настоящем глазу мисс Пентикост что-то вспыхнуло. Ее губы скривились в мрачной улыбке. Но она быстро подавила ее.

– Наверное, она много грешила, – сказала мисс Пентикост, – раз ее считали потерянной уже в таком юном возрасте.

Нужно отдать пастору должное, он увидел яму, к которой привела его Эвелин, и грациозно перепрыгнул ее.

– Нет такого человека, которого нельзя было бы спасти, – заявил он. – Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем.

Строки из Евангелия лились из него потоком, и все, кого захлестнул этот поток, повернули к нам головы. Что ни говори, а проповедники зарабатывают на жизнь словом, и лучшие из них действительно знают свое дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.